

А. САЛОМАТОВ
**СИНДРОМ
КАНДИНСКОГО**

ВЕЧЕ

Новая библиотека приключений и научной фантастики

Андрей Саломатов
Синдром Кандинского

«ВЕЧЕ»

2018

Саломатов А. В.

Синдром Кандинского / А. В. Саломатов — «ВЕЧЕ»,
2018 — (Новая библиотека приключений и научной фантастики)

ISBN 978-5-4484-7649-5

Московский писатель Андрей Саломатов известен читателям прежде всего произведениями, лежащими на грани абсурдистской прозы и фантастики. Повести и рассказы, вошедшие в этот сборник, объединяет некое сюрреалистическое пространство, в котором вынуждены существовать герои произведений. Как правило, это обычные люди, попавшие в одну из ловушек судьбы, коих множество расставлено на жизненном пути каждого человека. Как писал философ Спиноза, «Бог не добр и не справедлив, он целесообразен». В той или иной мере эта мысль проходит через все произведения автора.

ISBN 978-5-4484-7649-5

© Саломатов А. В., 2018

© ВЕЧЕ, 2018

Содержание

Повести	6
Синдром Кандинского	6
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Андрей Васильевич Саломатов

Синдром Кандинского

© Саломатов А.В., 2018

© ООО «Издательство «Вече», 2018

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2018

Сайт издательства www.veche.ru

* * *

Повести

Синдром Кандинского

*Мир, сотканный из той же пряжи,
что наши сны...*

В. Шекспир

1

Заканчивался душный субтропический август. Город плавился от жары, словно охваченный невидимым пожаром. На горах, отделяющих Гагру от большого мира, гигантским лохматым париком лежало облако, и белесые космы его стекали по едва заметным снизу ложбинам.

Ветер дул вдоль побережья, сырой и вялый; он нес запахи не моря и далеких стран, но подгоревшего шашлыка и забродивших водорослей.

Никого не было вокруг, и на вокзале безлюдье казалось особенно неестественным. Лишь иногда в дверях появлялся толстый усатый дежурный по станции; лениво, с какой-то приклеенной презрительной гримасой он оглядывал свою вотчину и пыхтя удалялся к себе.

К приходу десятичасового московского поезда из вокзальных дверей, из-за касс и пыльных кустов вдруг пошел народ с сумками и узлами. В киосках зашевелились продавцы теплой газированной воды и старых газет, и даже появились две грязные бродячие собаки с голодными скорбными мордами.

Поезд подошел вовремя. Локомотив медленно протянул длинный грязный состав вдоль перрона, и диспетчер с характерным кавказским акцентом объявил о приходе поезда Москва – Сухуми. Тут большая серая туча закрыла солнце, и по асфальту защелкали редкие крупные капли дождя. Проявившись на раскаленной мостовой в виде темных звездочек, они тут же испарялись, поднимаясь вверх теплым асфальтовым духом. Похоже, только собаки и оценили мимолетное облегчение от небывалого в это время года дождя. Они стояли посреди перрона, высунув розовые языки, и жмурились от удовольствия, не обращая внимания на посадочную панику.

После того как поезд ушел, а прибывшие бледные отдыхающие с чемоданами и баулами разбрелись по привокзальной площади, на перроне остался странный человек в белом, слегка помятом смокинге и таких же белых щегольских туфлях. Он был высок, узкоплеч, держался картинно, не без изящества поводя в стороны красиво вылепленной головой. Возраст приезжего определить было трудно, что-то от тридцати до сорока двух. Лицо его выражало пресыщенность жизнью, глаза смотрели устало, с той обреченностью, которая отличает бездомных собак от их более удачливых собратьев. Весь багаж приезжего состоял из белого кожаного кейса и тяжелой картонной коробки, для удобства перевязанной белым же парчовым галстуком.

Постояв несколько минут под редким теплым дождем, приезжий перешел через железнодорожные пути, миновал станционный пакгауз и, повернув налево, вышел к баракам, один из которых, а именно крайний, наполовину сгорел.

Приезжий остановился у покосившейся калитки, заглянул в проржавевший, раскуроченный почтовый ящик и вошел во двор. Видно было, что уцелевшую часть барака давно покинули. Дверь висела на одной петле, выбитые окна были нараспашку, кругом царили хаос и

запустение. Лишь небольшая пристройка слева от дома являла собой не тронутый разрухой и тленом уголок уюта и благополучия. С одной стороны тщательно выбеленного строения росла старая раскидистая смоковница, с другой – не менее старая яблоня. Две могучие виноградные лозы оплели оба дерева и сомкнулись над крышей пристройки, образовав живой купол-ракшину со сложным подвижным рисунком. Внутри пристройки стояла плита, на которой хозяйка за ненадобностью оставили сковороду с вогнутым дном, служившую, наверное, не один десяток лет и не одному поколению. По углам валялись мутные разнокалиберные банки да несколько журналов «Вокруг света». Было прохладно, пахло плесенью и побелкой, а по углам пауки успели свить целые полотнища паутины, из чего было ясно, что не живут здесь давно.

Бесцельно побродив по крошечному дворику, приезжий взял вещи и вышел на улицу.

– Комнату хотите снять? – услышал он женский голос. – Я сдам. Самую лучшую. Не ходите больше никуда, лучше, чем у меня, ничего не получите.

Приезжий остановился, поискал глазами и увидел за забором крепкую пожилую хохлушку, загорелую до того, что ее светло-голубые глаза на фоне бледного выгоревшего неба казались пробелами.

– Комнату, – глухим голосом, сквозь зубы, подтвердил приезжий. Видно, слова давались ему с трудом. Лицо его было покрыто испариной, а глазные яблоки словно плавали в каком-то розоватом бульоне. – С отдельным входом, чтобы не беспокоить вас. Я люблю гулять по ночам.

Хозяйка оценивающе осмотрела клиента с ног до головы и открыла калитку.

– Жарко, – посочувствовала она. – Эти бараки еще в прошлом году выселили. После пожара. Два человека сгорели – пьяные были. А вы что, бывали у нас на Чанба? Что-то я вас не припомню.

– Бывал, – ответил приезжий, – четыре года назад. Я знаю, что барак сгорел, мне говорили. А куда жильцов выселили?

– А их всех в один дом поселили. На Лакоба, в восемнадцатизатку. Рядом с рынком, знаете? – Хозяйка подвела приезжего к небольшой пристройке размером с общественный туалет на четыре персоны, открыла дверь и, будто экскурсовод в царских хоромах, широким жестом показала: – Вот ваша комната с отдельным входом. Белье чистое, вчера меняла. Беру я недорого – пять рублей за сутки. Правила у меня такие: женщин водить нельзя, гулянки устраивать нельзя. В общем, располагайтесь. – Она вытерла руки о передник и спросила: – Вы надолго приехали?

– Недельку побуду, – ответил приезжий.

– Деньги вперед, у меня такое правило, – внушительно сказала хозяйка. – И паспорт ваш разрешите. Вам он на пляже не нужен, а мне спокойнее.

Паспорт хозяйка изучала долго, с неподдельным вохровским любопытством вглядываясь в каждую строчку. Она прочла фамилию, имя, отчество, внимательно сверила фотографию с оригиналом и с удовлетворением отметила:

– Москвич. В прошлом году у меня тоже москвичи отдыхали. Ну такие неаккуратные, такие неаккуратные... заразы. Табаком провоняли всю комнату и... – На мгновение смутившись, она вдруг добавила: – Вы уж простите меня, мужик ее всю стену обоссал. Леня было до туалета дойти. Пришлось заново домик белить. Небось, в Москве он такого не делает.

– Я не буду, – вымученно улыбнувшись, сказал Антон и достал деньги. Под рассказ хозяйки о том, как прошлогодние жильцы пьянствовали, он расплатился, вошел в комнату и вежливо спросил: – Я отдохну?

– Да, конечно, отдыхайте! – радостно воскликнула хозяйка. – Вы же сюда и приехали отдыхать. Туалет вон там, в огороде. Если спросить захотите или еще чего, я в доме. Меня тетей Марусей зовут. Постучите, и все.

– Спасибо, – поблагодарил Антон и закрыл дверь.

Оставшись один, он сел на застеленную кровать и машинально осмотрел свое временное жилище. Затем положил рядом с собой кейс, открыл его и некоторое время невидящими глазами разглядывал содержимое. Просидев так минут пять, он достал из кармашка кейса сложенный вдвое тетрадный листок, раскрыл его и в который раз прочитал: «Антон, я больше не люблю тебя и не хочу с тобой жить! Все кончено. Не могу так больше. Когда я вижу твои синие исколотые руки, мне не хочется жить. Ты давно уже не человек, ты – труп. И все твои друзья – трупы. Я не желаю больше быть невольной участницей преступления, не хочу знать, что человек, с которым я живу под одной крышей, – наркоман. Все! Может, это и жестоко, но ты неизлечим, а я хочу еще нормально пожить. Я молодая женщина. Через неделю мы с Иришкой уезжаем в Гагру. Прошу тебя, не превращай нашу квартиру в притон для наркоманов. Разъедемся, делай что хочешь. Лена».

Прочитав записку, Антон сунул ее обратно в карман кейса, достал из-под пакета с туалетными принадлежностями никелированный стерилизатор и пробормотал:

– Ну, здравствуй, друг... Давно не виделись. – Он тщательно перетянул резиновым жгутом руку выше локтя и открыл стерилизатор. – Значит, говоришь, не любишь, – прошептал он, – это я уже давно понял. Был и со мной в шалаше рай, но в шалаше женщина быстро становится шалашовкой. В королевском дворце – соответственно королевой. Ну, дай тебе бог. – Втянув содержимое ампулы в шприц, он откинулся к стене и, сморщившись, ввел иглу в набухшую вену.

Уже через несколько секунд выражение лица его сильно изменилось: мышцы расслабились и обвисли, веки опустились, а нижняя челюсть медленно сползла на грудь. Антону казалось, что он падает в бездонный каменный колодезь, все уменьшаясь и уменьшаясь, и в тот момент, когда весь стал размером с синтаксическую точку, в нем будто произошел взрыв. Он принялся катастрофически расти, раздаваясь и вверх и вширь, пока не заполнил собой пространство вокруг. Это состояние – Алисы, вкусившей из пузырька волшебной жидкости, – было самым приятным во всей этой процедуре. Затем наступало долгое покойное блаженство, мир как бы сгущался вокруг Антона, становился маленьким и уютным, словно одноместный космический корабль из какого-нибудь пятидесятого века с фантастически комфортабельной каютой, где все предусмотрено и все работает исключительно для того, чтобы пассажир получал удовольствие от полета в холодном космическом пространстве.

Некоторое время Антон неподвижно сидел на кровати, прислонившись к стене. Мысли его текли медленно и широко, словно полноводная равнинная река, и Антону казалось, что он уже и не человек, а цветущая планета с морями и океанами, лесами и горами, на которой обитают лишь прекрасные умные животные, понимающие мир как свободное сообщество всего живого. Когда это первое ощущение несколько потускнело, Антон медленно убрал стерилизатор в кейс, захлопнул его, а сам вышел из каморки и устроился на скамье в мерцающей микроскопическими зайчиками тени виноградника. Где-то совсем рядом разговаривали женщины. Один голос принадлежал хозяйке дома.

– Да на что мне одна? Возьми, пожалуйста, – сказала хозяйка.

– Ты знаешь, Марусь, у меня знакомая есть, так у нее девочка как раз с одной ногой, с левой. И размер как раз подходит. Двадцатый у нее размер. Ей эта туфелька точь-в-точь будет. А то ведь мать ей покупает по две туфельки, по одной не продают. Так вот, вторую все время выбрасывать приходится.

– Слушай, – оживилась хозяйка, – может, у тебя есть знакомая с одной правой ногой тридцать седьмого размера? Валяется туфля уже лет пять, а выбросить жалко.

На некоторое время воцарилось молчание, затем второй голос ответил:

– Знаешь, Марусь, есть у меня такая знакомая. И как раз с правой ногой, и размер ножки тот.

После этих слов Антон встал и вернулся к себе в каморку. Он никак не мог понять, происходил ли такой диалог в действительности или был лишь наркотическим бредом, вулканическим выбросом ожившего подсознания...

Антон попытался вспомнить, какой размер ноги у дочери, но понял, что не знает этого и не знал никогда. Зато вспомнил, что собирался написать жене письмо – ответ на ту записку, благодаря которой он и оказался здесь.

Несколько минут у него ушло на то, чтобы придумать, как обратиться к жене: назвать ли ее ласковым домашним именем или, съерничав, написать что-нибудь вроде: «Здорово, стерва!» Правда, во втором случае не было гарантии, что Лена дочитает письмо до конца, а ему хотелось рассказать ей какую-нибудь душевную историю, поиграть на нервах и, возможно, вызвать чувство вины. Решив, однако, не злить жену попусту, Антон начал вполне благопристойно:

«Здравствуй, Лена! Я все же решил написать тебе. Ты уехала так быстро, что мы не успели ни поговорить, ни договориться. Поверь, я знаю свою вину, последнее время часто вспоминаю все то, что пришлось тебе вытерпеть за несколько лет нашей совместной жизни, и, откровенно говоря, меня удивляет твое долготерпение. Скорее всего, ты правильно сделала, что ушла от меня. Нашу семью трудно назвать счастливой, благополучной. Я – наркоман, ты, кстати, – тоже. Ты же не можешь без “люблю, люблю!”. Предвижу твой ответ: мол, так устроил Бог, такова жизнь. Бог устроил так самку и самца, а мы – люди... Все! Молчу! Считаю, что беру свои слова обратно.

Мы с тобой давно живем в разных измерениях и встречаемся только на границе, разделяющей наши такие непохожие миры. Тебе ненавистен мой образ жизни, мне же скучно в том уютном мирке, к которому ты благоволишь. Просто нам нужны разные среды обитания.

Один мой знакомый как-то сказал, что мы живем на окраине окраины. Я только недавно понял: он имел в виду не удаленность от цивилизованного мира, не политическую изолированность и не расположение Солнечной системы относительно центра галактики. Он имел в виду нашу примитивность. Само наше существование окраинно. Вспомни соседа – безмозглое существо, которое все время сверлит стены, что-то мастерит, бегаёт по квартире, как насекомое в стеклянной банке, и хвастает: “Вот какую я мешалку вырезал!” Женщины плачут от умиления.

Помнишь, мы поссорились и я сбежал от тебя из пансионата на Севане? Я тогда очень долго бродил по лесу, совершенно выбился из сил и так заплутал, что уже и не надеялся выбраться. Я был близок к истерике, как вдруг услышал человеческий голос. Меня окликнули: “Эй, путник! Иди сюда”.

Когда я наконец увидел эту пару, у меня сразу отлегло от сердца. Я так обрадовался, что и не удивился странной картине. На небольшой поляне был постелен ковер, на нем сидели двое: красивый стареющий кавказец с пышными усами и эффектная блондинка лет тридцати. Ковер напоминал скатерть-самобранку; но то ли они недавно расположились, то ли у них не было аппетита, – блюда стояли совершенно нетронутыми.

– Иди поешь, путник, – снова позвал меня усатый.

Я не заставил себя долго упрашивать, сел напротив странной пары, представился и вкратце рассказал, что со мной приключилось. Тем временем усатый налил мне полный фужер водки, я выпил за их здоровье и хорошо поел. Во время ужина он рассказал мне, как выйти на дорогу... Потом, наевшись и опьянев, я незаметно для себя уснул.

Когда же от холода и сырости проснулся, уже светало. Рядом со мной никого не оказалось, даже трава на поляне стояла совершенно вертикально, будто и не было никакого ужина на ковре. Однако рассказ усатого я запомнил и, встав, пошел в направлении, которое он указал. Я пожалел, что не догадался поискать поблизости от поляны следы машины, – понятно, что попасть туда с таким количеством вещей можно было только на машине. Я мял живот, пытаюсь определить, ел вчера или нет, но ни к чему не пришел.

Так я шагал до самого полудня, пока не увидел очень похожую поляну. Я даже остановился от удивления и раскрыл рот, потому что и здесь, на уже виденном ковре, сидела та же пара. Увидев меня, усатый махнул рукой, сказав знакомую фразу:

– Эй, путник! Иди сюда.

Не буду описывать, что происходило первые полчаса, в течение которых я пытался объяснить им, что мы встречались не далее как вчера. Они смотрели на меня, ласково улыбались и все отрицали. Но когда я назвал их имена, а потом пересказал то, что усатый говорил мне прошлым вечером, они переглянулись, затем усатый налил мне полный фужер водки и сказал:

– Вчера вечером нас там не было и не могло быть. Забудь об этом, тебе все приснилось.

Точь-в-точь как вчера, я выпил водки, плотно пообедал, и усатый показал мне путь к дороге. Было очень жарко, от еды и водки меня разморило, и я – никогда не прощу себе этого – снова уснул.

Проснулся я ближе к вечеру. Надо ли говорить, что рядом со мной никого не оказалось. Вокруг не было даже намека на стоянку. Я на коленках облазил всю поляну в поисках окурка или какой-нибудь бумажки. Не было ничего.

До поселка, о котором говорил усатый, я добрался глубокой ночью. Через поселок проходила асфальтовая дорога, по ней-то я и пошел дальше, размышляя, в действительности ли встретил в лесу ту странную пару или все это мне приснилось. Подобные мысли мучают меня до сих пор. Мне кажется, что и жизнь с тобой – не что иное, как краткий глубокий сон на лесной поляне. Иногда думаю, будто живем мы только во время таких вот переходов от стоянки к стоянке. Остальное – сон, в котором мы тщимся разобраться, куда же идти. Наверное, вся жизнь заключается в этих переходах...

Я собираюсь пробыть здесь неделю. Надеюсь встретить тебя, Гагра – город маленький, где-нибудь обязательно пересечемся. Днем я буду бродить в тех местах, где четыре года назад мы прогуливались вместе.

Антон».

Сложив письмо вчетверо, Антон взял кейс и вышел из каморки. Он пересек двор, невнимательно ответил на приветствие шедшей навстречу молодой женщины в купальнике и направился к сгоревшему барaku. Там он опустил в ржавый почтовый ящик свое послание и не торопясь отправился к морю. Дорогу он знал хорошо – не раз ходил по ней. Ему даже показалось, что он узнает женщин, сидящих на скамейках у калиток. Антон иногда здоровался с ними, и они охотно отвечали ему, а затем долго провожали взглядом, судача меж собой, чей это сын, зять или внук.

Жара стояла мучительная, идти было тяжело, вскоре асфальт сменился песком, и Антон пошел совсем медленно, едва перебирая ногами. Наступать он старался на рваные островки какой-то зеленой вьющейся травы, обходил зловеще-красивые кусты дурмана с колючими плодами, похожими на каштаны. При этом он думал о Лене, о том, как она прочтет письмо и захочет ли встретиться с ним. Несмотря на усталость и зной, он чуть заметно улыбался своим мыслям и изредка вслух отвечал ей на воображаемые вопросы: «да», «нет», «понимаешь?..».

Море было спокойным и чистым. Слепили бликами едва заметные волны, с тихим шипением наплывая и рассасываясь в мелкой прибрежной гальке. Народу на пляже было немного – отдыхающие предпочитали загорать ближе к центру, где можно было пообедать и пересидеть самую жару в кафе под раскидистыми платанами.

Пройдя с километр по раскаленному песку и камням, Антон вконец обессилел, уронил кейс и повалился рядом с ним. Упав на бок, он натянул на голову пиджак, прикрыл глаза. И тотчас в наступившей мгле в его усталом разомлевшем мозгу закрутились огненно-красные плоские диски. Вращаясь, они медленно уплывали в чернильную даль и где-то там, за неошутимым горизонтом, падали вниз, словно новенькие золотые червонцы, в бездонную копилку бытия.

У Антона больше не было ни сил, ни желания идти дальше, хотя до ближайших деревьев оставалось не более трехсот метров. Он чувствовал бесконечную слабость, равнодушно подумал о том, что не ел со вчерашнего дня, и попытался проглотить слюну, но ему это не удалось – во рту было сухо, как в пустыне. Антон снова подумал о Лене и в который раз ощутил, как истончаются и рвутся связывавшие их нити, и вместо этой связи, вместо привычного состояния покоя, которое всегда вызывали в нем мысли о ней, в душе его медленно и неотвратно росла холодная тупая боль. Она давила изнутри, и, как он ни старался вычерпать ее из себя, она не кончалась, будто черпалась из бездонного колодца. Иногда ему начинало казаться, что это уже и не боль, а нескончаемая глухая тоска... будто познал он какую-то запретную тайну жизни, заглянул туда, куда простым смертным заглядывать запрещено, ибо они догадываются, что раскрытие такой тайны обнажает жизнь, делая ее бессмысленной.

Сколько пролежал, Антон не знал. Иногда он впадал в полудрему, бормотал что-то во сне и вскрикивал, напуганный кошмарными видениями. Солнце уже висело низко над горизонтом, и полупустой пляж обезлюдел совсем; черные узорчатые тени от кустов дурмана увеличивались на глазах, а на смену слепящему дню пришел густой душный вечер.

Антон разбудило шуршание шагов. Рядом с ним что-то еле слышно прошелестело, и он ощутил едва уловимый, сладковатый запах духов. Открыв глаза, Антон увидел удаляющуюся женскую фигуру в длинном белом платье, такую эфемерную в этом нагретом, дрожащем воздухе, что непонятно было, продолжает ли он спать или уже проснулся и наяву наблюдает, как мягко ступает этот хорошенький фантом по грязному песку.

Антон долго провожал взглядом странную незнакомку, затем встал, добрался до воды и тщательно умылся. В свою каморку возвращаться не хотелось. Четыре близко расположенные стены, оклеенные дешевыми, пузырящимися обоями, и низкий потолок внушали ему ужас. Изнутри каморка была похожа на большую картонную коробку для энтомологической коллекции, и, казалось, стоит только вернуться и лечь, как коробка откроется и огромное стальное жало припилит его к кровати, словно насекомое. Он даже представил, как хрустнет позвоночник под гигантской нержавеющей булавкой, и содрогнулся от отвращения.

Антон не очень-то и понимал, зачем приехал сюда, чего ждет от этой поездки. Ответа ли на письмо, встречи с Леной, хотя все ему уже было сказано, – или какой-то необыкновенной развязки. Он чуял, что очень скоро должно произойти нечто совершенно неординарное в его жизни, и никак не хотел согласиться с тем, что это уже произошло.

Подобрав кейс, Антон пошел дальше, прочь от города, в ту сторону, куда ушла незнакомка в белом платье.

Темнота наступила неожиданно. Оранжевый диск солнца закатился за горизонт, оставив после себя лишь слегка разбеленное небо да зеленую дорожку на тихой воде. Берег в этом глухом месте никак не освещался. Только впереди, там, где днем сквозь дымку едва виднелся мыс Пицунды, мерцали фонари.

Антон шел по берегу не менее получаса, пока не увидел справа от себя, среди густых черных зарослей виноградника, освещенные окна большого дома. Он пошел вдоль забора и вскоре наткнулся на высокую металлическую калитку. Чем-то знакомым повеяло от этого темного ночного сада за высоким забором, хотя подобное он мог увидеть на любой улице курортного города: деревья, освещенные у порога решетчатым фонарем, летняя кухня, центральная асфальтовая дорожка и калитка из листового железа, покрашенная в зеленый цвет.

Антон толкнул калитку, вошел в сад, и тут же из-за угла дома появилась та самая незнакомка в белом платье с эмалированной миской в руках. Несмотря на то что Антон видел ее мельком и только сзади, он сразу узнал ее и в нерешительности остановился, придумывая, чем объяснить хозяйке дома свое появление. А женщина поставила миску на скамью и поспешила прямо к гостю.

– Ну заходите же, – еще издали громко позвала она. – Заходите, не стесняйтесь. Все давно ждут вас.

– Меня? – удивился Антон. – Я, простите, шел мимо, увидел свет... зашел спросить... э... где я нахожусь. Это ведь уже не Гагра?

– Не Гагра, не Гагра, – приблизившись, ответила хозяйка. – Пойдемте в дом. Я вас узнала. Вы спали на песке.

– Я вас тоже узнал. Вы прошли мимо меня минут двадцать назад, – отозвался Антон.

– Я так и подумала, что вы идете к нам, – чему-то радуясь, сказала хозяйка и взяла Антона под руку. – Сегодня тридцатое августа, на отдыхающего вы не похожи, к тому же на пляже в костюме, да еще в белом, не спят. Да еще этот кейс..

Они медленно шли по дорожке, и Антон успел разглядеть свою спутницу. На вид ей было лет тридцать пять, но выглядела она замечательно. Черты ее лица были тонкими, а фигура какой-то несовременно женственной. Похоже, она совершенно не пользовалась косметикой, которая лишь сделала бы ее подобной сотням других женщин, нарисованных по единому образцу.

– Вы все-таки меня с кем-то спутали, – улыбнувшись, сказал Антон. – Я не знаю вас, не собирался к вам ни тридцатого августа, ни первого сентября. Просто шел мимо.

– Однако же пришли сюда, – ответила хозяйка, – и именно тридцатого августа. Да не сопротивляйтесь вы. Мы вас не съедим. Чувствуйте себя как дома, ведите себя как вам заблагорассудится, только одна просьба: не обижайте маму. Ей уже далеко за семьдесят. Потерпите. Она так долго ждала этого дня.

– Какую маму? – не понял Антон.

Они взошли по ступенькам на широкое дощатое крыльцо и остановились.

– Мою маму, – ответила хозяйка. – Ее зовут Елена Александровна. Ну можете вы побыть нашим гостем? Вы же никуда не торопитесь, да? Кстати, меня зовут Наташа. А вас?

– Антон, – проходя в дом, ответил Антон.

– Сейчас вы все узнаете, Антон... – Наташа остановилась у какой-то двери, оглядела гостя с ног до головы и взволнованно добавила: – Главное, не бойтесь и не обижайте маму.

Она открыла дверь и втокнула Антона в ярко освещенную большую комнату. Первое, что он увидел, был огромный овальный стол посреди комнаты, уставленный, как в какой-нибудь великий праздник, редкими для этих мест яствами. За столом на расстоянии вытянутой руки друг от друга сидели немолодые люди, одетые по-праздничному, но с лицами напряженными и суровыми, будто в ожидании чего-то значительного и не очень приятного. И только у высокой сухопарой старухи во главе стола выражение лица было слащавым и испуганным одновременно. Она со страхом и мольбой смотрела на вошедшего, губы ее беззвучно шевелились, а глаза быстро наполнялись слезами.

– Вот, это он, – сказала Наташа. – Он немного опоздал – спал на пляже. Но все же пришел. Так что принимай гостя, мама.

– Здравствуйте, – растерянно поздоровался Антон. – Я, собственно, шел мимо. Зашел спросить, а Наташа...

Старуха медленно поднялась со своего места и, не спуская глаз с Антона, направилась к нему. Она шла так пугающе целеустремленно, что Антону сделалось не по себе, и он подумал, что напрасно позволил втянуть себя в игру, смысла и правил которой не знает и не понимает.

Старуха подошла почти вплотную к Антону и, глядя снизу вверх ему прямо в глаза, тихо, но с большим чувством сказала по-французски:

– Bonjour, mon cher, tu est enfin arrive¹.

¹ Здравствуй, дорогой, наконец-то ты пришел (фр.).

– Мама, он может не знать французского, – подала голос Наташа, которая отошла от Антона и стояла, прислонившись к стене рядом с огромным и тяжелым, как изба, книжным шкафом.

– Да, вы уж извините, – пытаюсь угадать, что происходит, сказал Антон. – По-французски я знаю только: шиньон, лосьон, бульон и одеколон. Ну, знаю еще пардон и оревуар.

После этих слов лицо старухи озарилось неподдельным восторгом, она замерла, скрестив руки на груди, а затем залилась счастливым смехом и, обращаясь к своим, воскликнула:

– Смотрите, он все такой же весельчак, как и был. Такой же блестящий остроумец.

Кто-то из присутствующих захихикал, в дальнем конце прыснула молодая девушка, а чопорный мужчина, отдаленно похожий на Наташу, усмехнулся и одобрительно закивал головой.

– Я не шучу, – сказал Антон. – Может, это выглядит смешно, но я говорю правду. Я более-менее неплохо знаю английский... но лучше, наверное, сразу перейти на русский.

– Извини, ты прав, – ответила старуха, – ты, как всегда, прав. Как тебя теперь зовут? – Она положила ему на плечо правую руку, и глаза ее снова наполнились слезами.

– Меня зовут Антон, Антон Владимирович. По имени-отчеству меня никто никогда не называл, так что можно просто Антон.

– Антон, – дрожащим голосом повторила старуха. – Ты не помнишь меня, Антон? Да, да, ты не помнишь меня. А я так долго ждала тебя. – Голос ее сделался совсем тихим, и в полной тишине Антон едва различал слова. – Дождалась, – сказала она. – Я все выполнила как ты хотел. Видишь, мы собрались здесь сегодня, чтобы встретить тебя. Вот это, – она повернулась и указала на чопорного мужчину, – твой старший сын, Александр. Рядом – его жена и дочь Ниночка – твоя внучка. Это твоя средняя дочь, Светлана, и ее муж. А это твоя младшая – Наташа.

Антон испуганно взглянул на Наташу, но та смотрела в пол.

– А я, видишь, как я постарела, дожидаясь тебя? – продолжала старуха. – Я так и не вышла замуж. Я вообще старалась не выходить из дома. Когда ты умер, я думала, что не вынесу этого, хотела покончить с собой, даже попыталась выпить яду. Помнишь, у тебя стоял пузырек? Но меня спасли. Когда я выпила яд, мне стало так страшно. Я близко видела смерть. А когда потеряла сознание, ко мне явилась Дева Мария и сказала, что я набитая дура. Она не так сказала, но смысл был такой. Она запретила мне убивать себя. И я послушалась ее. Милый мой, – заплакав, с трудом проговорила Елена Александровна, – я так долго ждала тебя. Если бы ты знал, сколько мне пришлось перенести, сколько я выплакала слез... – Антон слушал весь этот бред и не знал, что делать. Он с надеждой поглядывал на домочадцев, но те, опустив головы, сидели за столом с серьезными лицами и молчали. А старуха взяла его голову двумя руками и, заглядывая в глаза, продолжала: – Ты такой молодой, а виски уже седые. Ты, наверное, много пережил? Единственный мой, данный мне Богом на вечную радость и счастье, вернулся, и снова я могу любоваться тобой. Не пугайся моей старости. Я не сумасшедшая и не требую, чтобы ты верил мне. Достаточно того, что ты есть, что живешь на этом свете, что ты такой красивый, умный и молодой. Видишь, я поселилась здесь, в этом доме, который ты купил для меня. Я сама себя похоронила в этих стенах и не жалею об этом, потому что ты вернулся сюда, как и обещал.

Времени прошло достаточно, чтобы Антон собрался с мыслями и успокоился. Дождавшись паузы, он как можно мягче сказал:

– Простите, Елена Александровна, может, вы меня с кем-то спутали? Я не совсем понимаю, что здесь происходит. Вернее, из ваших слов я кое-что понял, но все это выглядит слишком неожиданно и странно.

– Пойдем, пойдем к столу, – пригласила его старуха. Одной рукой она придерживала подол своего тяжелого малинового платья, вышитого серебряной нитью. Другой взяла Антона

за руку и подвела к столу. – Наташа, – сказала старуха, – сходи принеси шкатулку и захвати фотографии. А ты садись. Вот твое место. – Она усадила Антона во главе стола, вернулась на свое место, села и застыла, глядя на него с такой неподдельной страстью и безысходностью, что он не выдержал, опустил голову и забормотал:

– Жарко у вас. Нельзя ли водички попить?

– Саша, налей отцу воды, – обратилась старуха к сыну, и тот не спеша взял графин, подошел к Антону и налил ему в фужер что-то, похожее на сок.

– Пожалуйста, папа, – не без сарказма сказал Александр. Затем он вернулся на место, сел и спросил: – А чем вы сейчас изволите заниматься, папа?

– Вы-то хотя бы перестаньте, – раздраженно ответил Антон. – А то я сейчас встану и уйду, и доигрывайте без меня. – Он хотел было съязвить по поводу важного вида Александра, но не успел, Елена Александровна вступилась за него:

– Не приставай к отцу, Александр. Для него самого это большая неожиданность. Ты голоден, Антон? – обратилась она к нему.

Вопрос застал Антона врасплох. Он страшно хотел есть и, если бы не этот спектакль, воспользовался бы случаем, а сейчас лишь обреченно ответил:

– Да, то есть нет. Я не ел ничего сутки, а может, и больше. Но обстановка уж очень необычная, боюсь, кусок не полезет к горло.

– Больше суток! – ужаснулась старуха. – Ты же, наверное, умираешь с голоду. Это ничего, что обстановка такая. Не стесняйся. Ты хозяин этого дома. Перебори в себе неуверенность. Наташа! Ну где же ты? – крикнула она в раскрытую дверь, ведущую в соседнюю комнату, и вслед за этим на пороге появилась Наташа с большой инкрустированной шкатулкой из темного дерева. Она торжественно поднесла шкатулку Антону и, улыбаясь, поставила ему на колени.

– Открой шкатулку, – дрогнувшим голосом попросила Елена Александровна.

Антон вначале посмотрел на нее, затем на присутствующих. У всех на лицах было написано одно и то же – а именно любопытство.

– Ну, попробуйте, – нетерпеливо сказала Наташа, которая так и осталась стоять рядом.

Антон внимательно осмотрел шкатулку, затем попытался поднять крышку, но та не поддавалась. Тогда он провел пальцем по внутренней стороне бронзового вензеля, украшавшего купол шкатулки, и услышал характерный щелчок.

– Получилось! – вскрикнула на другом конце стола Ниночка.

– Ну вот, – облегченно вздохнула Елена Александровна. – Это твоя шкатулка, Антон. Только ты и я знаем, как она открывается. Саша сегодня два часа пытался понять секрет замка, и у него ничего не вышло. Это твоя шкатулка, – повторила она. – Открой ее и прочти письмо.

Неожиданно Антона охватило беспокойство и страх, как будто он, не желая того, соприкоснулся с чем-то невидимым, но реальным на ощупь. Подобное состояние мистического страха он испытывал всего лишь раз в жизни, когда после гибели друга он встретил его на пустынной проселочной дороге, недалеко от подмосковного поселка, где они снимали дачу. Тот появился ниоткуда, несколько минут молча стоял и смотрел на Антона, а потом так же неожиданно растворился в воздухе. На месте, где он исчез, Антон обнаружил пятак, но не поднял его. Потом жалел. Ему сказали, что пятак надо было продырявить и повесить на шею, что, мол, амулеты, подаренные покойниками, надежно охраняют человека от несчастных случаев.

В шкатулке оказался лишь пожелтевший от времени лист бумаги, сложенный вчетверо. Волнуясь, Антон развернул его и прочел небольшое письмо, написанное бледными фиолетовыми чернилами:

«К сожалению, я не знаю, как меня назовут в моей следующей жизни, но это и не важно. Я буду обращаться к тебе по-свойски – дорогой.

Дорогой мой, я оставил после себя большое количество незавершенной работы. Мне бы хотелось, чтобы ты ознакомился с моим архивом, и, надеюсь, у тебя появится желание продол-

жить то, что я начал и не закончил из-за нехватки времени. Все интересные идеи и мысли, которые ты обнаружишь в моих записях, по праву принадлежат тебе. Надеюсь, ты будешь порядочным человеком и тем самым приблизишь момент нашего с тобой освобождения от этой бесконечной жизни. Откровенно говоря, я (что же говорить о тебе?) почувствовал некоторую усталость от жизни. Эта бесконечная вереница дней, скучный быт, мелкие дразги, необходимость таскать и обихаживать собственное изношенное тело – все это надоело мне. Свою программу я выполнил, а потому ухожу с легким сердцем.

Надеюсь, мне и на этот раз повезло с внешностью – я не урод. А то ведь это часто ожесточает человека, отвлекает от главного, и он всю свою жизнь тратит на то, чтобы доказать двум-трем курицам и нескольким болванам, что воду пьют не с лица, а из стакана.

Да, будь добр, позаботься о наших детях.

30 августа 1955 г.»

Антон закончил читать, но продолжал смотреть на листок, желая оттянуть продолжение безумного разговора, которое должно было последовать за прочтением. Письмо показалось ему надуманным, неискренним и наглым, особенно последняя фраза. «Паразит, – с досадой подумал он, – “...о наших детях!” Это я должен позаботиться об этом жлобе – его сыне».

– Я прочитал. Ну и что? – с улыбкой спросил Антон.

Сидящие за столом оживились. Александр, делая вид, что все это его совершенно не интересует и он лишь выполняет странную прихоть матери, глядя в тарелку, принялся довольно громко есть. Ниночка зашептала на ухо своей полной соседке, которую представили Антону, но он успел позабыть, кем она приходится хозяйке дома. А Антон обвел всех присутствующих взглядом, а затем, обращаясь к Елене Александровне, сказал:

– Вы знаете, я когда-то тоже верил, да и сейчас немного верю, в переселение душ. Когда-то даже увлекался буддизмом, мне симпатичны некоторые его положения, я знаком с доктриной «освобождения», но нельзя же понимать все буквально.

Александр поперхнулся, положил вилку на стол и с удивлением посмотрел на Антона.

– Это что-то новенькое, – сказал он. – Как же это можно, голубчик, верить в переселение душ и понимать это не буквально?

– Не называй отца голубчиком, – строго сказала Елена Александровна.

– Прости, мама, – ответил Александр и снова принялся за салат.

– Почему ты просишь прощения у меня? – возмущенно спросила она. – Разве ты меня называл голубчиком?

– Простите, папа, – с полным ртом проговорил Александр и не без сарказма пообещал: – Я больше не буду.

– Я, может, что-то не так сказал, – обиделся Антон. – Я не напрашивался к вам сюда. Вы сами... – начал он и не договорил. Наташа быстро подошла к нему сзади, положила руку на плечо и, наклонившись, прошептала на ухо:

– Тихо, тихо. Вы обещали не обижать маму. Поужинайте с нами, а потом уйдете. А ты, пожалуйста, помолчи, – обратилась она к Александру. – Ешь свой салат и не мешай нам разговаривать с папочкой.

– Правильно, Наташа. Поухаживай за отцом, – сказала Елена Александровна. – Он стесняется, а мы болтаем и не даем ему поесть.

За столом опять воцарилось молчание. Наташа наполнила тарелку Антона всевозможными закусками и, словно лакей, осталась стоять у него за спиной. А Елена Александровна, немного подумав, медленно проговорила:

– Тебя никто здесь не хотел обидеть, Антон. Не думай, что мы просто решили посмеяться над тобой. Ты оставил мне такое завещание, и я всего лишь исполняю твою волю, не больше.

– Не я оставил, – не донеся вилку до рта, ответил Антон.

– Ты, – уверенно сказала Елена Александровна, и от этой уверенности у Антона по спине пробежал холодок. Чем-то потусторонним повеяло на него, словно бы старуха говорила из-за невидимого, но непреодолимого барьера, отделяющего материальный мир комнаты с накрытым столом от его астральной копии. На мгновение ему даже показалось, будто он видит через старуху стену и часть окна, которое она загоразживала собой, и некоторое время он сидел, не смея еще раз взглянуть на хозяйку, напуганный мимолетным видением. Но Наташа вывела его из этого состояния. Она обняла его за плечи и ласково сказала:

– Ешьте, папочка, ешьте. Сытому человеку легче примириться с чудом, у него шарики медленно вращаются.

Ужин прошел почти в полном молчании, и все было бы хорошо, если бы Антон постоянно не ощущал на себе жадный взгляд Елены Александровны. Она смотрела на него, как смотрят в минуту тяжких душевных потрясений в церкви на образа – с надеждой и мистическим обожанием в ожидании чуда, хотя для нее это чудо уже свершилось.

Посреди ужина большие старинные напольные часы с сияющим и круглым, как солнце, маятником вдруг басом пробили одиннадцать часов. Пока они били, все сидели замерев, словно этот медный бой имел еще какой-то смысл, зашифрованный в высоте и интонации звука.

Насытившись, Антон промокнул губы салфеткой, откинулся на спинку стула и оглядел комнату.

– А кем был ваш муж? – наконец обратился он к хозяйке дома.

Не отрывая от него взгляда, она впервые за весь вечер улыбнулась и сказала:

– Ты должен знать это. Попытайся вспомнить.

– Военным моряком, – не задумываясь, ответил Антон, и Елена Александровна с победным видом оглядела своих домочадцев. – Что, я угадал? – спросил Антон, будучи уверенным, что так оно и есть.

– Вам бы, папа, на улице судьбу предсказывать, – усмехнулся Александр. – Угадывают, это когда не знают и случайно попадают в точку. В одном углу висит рында, в другом – компас. А на письменном столе – фотография человека в морской форме, Шерлок Холмс.

– Александр! – прикрикнула на него Елена Александровна.

– Он у меня точно сегодня дождется, – поддержала ее Наташа, но Антона этот очередной выпад строптивного «сына» нисколько не задел. Наоборот, у него появилось желание позлить мешковатого сорокалетнего зануду, и он с улыбкой сказал:

– Только из уважения к вашему возрасту я не стану сегодня наказывать вас, Шурик.

– Ну вот, он уже и хамить начал, – раздраженно произнес Александр и, уткнувшись в тарелку, пробурчал: – Наелся, развалился, теперь можно и...

– Если ты скажешь еще хотя бы одно слово, – перебила его Елена Александровна, – я прогоню тебя. Не обращай на него внимания, Антон. Лучше расскажи о себе. Кто ты, чем занимаешься, как живешь? Ты женат?

– Трудно сказать, – усмехнулся Антон. – Вы знаете, мне не хочется о себе рассказывать: боюсь, напугаю. Только не подумайте, что я грабитель или убийца. Просто есть вещи, о которых не стоит распространяться в незнакомой компании – не так поймут.

– Ну хотя бы в общих чертах, – сказала Наташа.

– В общих? Две недели назад от меня ушла жена, – сказал Антон. – Это вам интересно? Честное слово, мне нечего рассказывать. Я прожил такую же неинтересную, как и все мы, жизнь.

– Вы о себе, пожалуйста, – не удержался Александр. – По вашему виду не скажешь, что вы прожили неинтересную жизнь.

– А почему она от тебя ушла? – поинтересовалась Елена Александровна.

– Долго объяснять, – немного подумав, начал Антон. – Мне вообще кажется, что женщины любят не человека, с которым живут, а то, что они могут от него получить. Это определенный набор благ и удовольствий. Если нет полного комплекта, женщина ищет себе другого спутника жизни, который может ей все это обеспечить. Вы меня простите, конечно, но многим женщинам нужен не человек, а граммофон с одной пластинкой, который в нужный момент кричал бы: «Люблю, люблю!»

– Теперь понятно, почему она от вас ушла, – тихо проговорила Наташа.

– Я знаю одного человека, который все время жаловался на то же самое, – продолжая жевать, сказал Александр. – Он может выпить два литра водки, но ни одна из его жен почему-то не оценила таких феноменальных способностей. Правда, сейчас он нашел какую-то бабу, они целыми днями вместе хлещут водку. На что – непонятно. Наверное, я ограниченный человек: работаю, кормлю семью, а после работы занимаюсь любимым делом. Мне совершенно непонятны ваши проблемы.

– Да, Саша у нас очень красивые портреты пишет, – не без гордости сказала Елена Александровна. – По фотографии. – Она показала на стену, где висели три тщательно вылизанных, откровенно дилетантских портрета.

– Вообще-то по фотографии пишут только генсеков и покойников, – улыбнувшись, сказал Антон и как можно дружелюбнее спросил: – И давно вы занимаетесь живописью?

– Двадцать пять лет, – ответил Александр. – Это всего лишь хобби, я ни на что не претендую.

– Двадцать пять?! – чему-то обрадовался Антон. – Знаете историю про Будду, который встретил в лесу старого йога? Он остановился и спросил у отшельника, сколько лет тот провел в своей хижине. «Двадцать пять», – ответил йог. «И чего же вы достигли за столько лет?» – спросил Будда. «Я могу перейти реку прямо по воде», – гордо ответил отшельник. «Бедняга, – с жалостью сказал Будда. – Неужели вы на это потратили столько времени? Паромщик взял бы с вас за переправу всего один обол». Это так, к слову пришлось, – сказал Антон. – А вообще-то мне пора. Уже поздно, мне добираться еще час, а может, и больше. Я даже не знаю, найду ли свой дом.

– Антон, никуда я тебя не отпущу! – испуганно воскликнула Елена Александровна. – Переночуешь здесь, а завтра, если захочешь, уйдешь. Я заранее постелила тебе в твоем кабинете. Неужели тебе неинтересно после стольких лет вернуться в свой кабинет, посидеть за своим письменным столом?

Немного поразмыслив, Антон медленно проговорил:

– Интересно, конечно... Хорошо. Я остаюсь.

– Спасибо, Антон, – поблагодарила Елена Александровна. – Если ты устал – а я вижу, ты устал, – можешь подняться к себе. Наташа, проводи отца наверх, в кабинет.

Антон действительно чувствовал себя совершенно разбитым и с облегчением вздохнул, когда узнал, что возвращаться не надо. Его даже перестала смущать странная роль, и он поблагодарил судьбу за то, что она привела его в нужный час к этому дому.

– Спокойной ночи, – сказал он, обращаясь ко всем.

– Каждый выбирает себе веру по образу и подобию своему, – запоздало наставил его Александр. – Ваша циничность очень идет вам.

– Ты мне испортил весь вечер, – устало, с обидой сказала Елена Александровна и покачала головой. – Саша, Саша...

– К чему здесь вера, не понял, но я сдаюсь, – повернувшись к Александру, рассмеялся Антон и поднял обе руки вверх.

Наташа шла впереди, освещая деревянные ступени толстой восковой свечой в тяжелом бронзовом подсвечнике. Доски противно скрипели у них под ногами, отсветы пламени сколь-

зили по глазурованным бокам цветочных горшков, развешанных по стенам, тени метались по лестнице, как живые, и, слово крысы, забивались под ступеньки.

– Как вы думаете, – начал Антон, – ваша мама действительно верит в то, что я ее бывший муж?

– А вы считаете, что она перед вами дурочку ломает? – спросила Наташа.

– Ну... чего от скуки не сделаешь. И не такие спектакли устраивают. Хотя что я вас спрашиваю? Вы же участница, лицо заинтересованное.

– За много лет, что я прожила в этом доме, здесь побывал только один посторонний человек, и тот участковый милиционер. Зато в назначенный день и час появились вы. Совпадение? Может быть. Как я к этому отношусь, я говорить не буду. Мама много лет ждала вас и дождалась, остальное меня не касается.

Они вошли в темную просторную комнату, и Наташа поставила свечу на письменный стол.

– Вот ваш кабинет, папа. Можете располагаться. Уже поздно. Завтракаем мы в девять, но вы можете спать сколько захотите, вас никто будить не станет.

– А я рад, что попал к вам, – неожиданно признался Антон и поставил кейс к стене.

– Я рада, что вы рады, – ответила Наташа.

– А что, света, кроме свечей, здесь нет? – разглядывая комнату, поинтересовался Антон.

– Есть. Но в те времена, когда вы здесь жили, его еще не было. Поэтому мама просила не включать электричество. А сейчас ложитесь спать. Кабинет посмотрите завтра. – Она неслышно вышла и закрыла за собой дверь.

В полумраке кабинет покойного хозяина дома имел вид капитанской каюты какого-нибудь парусного судна времен Христофора Колумба. Рядом с массивным двухтумбовым письменным столом со львами на филёнках стоял огромный, похожий на орган, книжный шкаф. Внутри шкафа за темным стеклом поблескивали почерневшим золотом корешки старинных книг. Слева на стене висел древний бронзовый барометр в черной полированной оправе из какого-то благородного дерева. Старинные карты были убраны в тяжелые дубовые рамы, а на открытых полках стояли высушенные экзотические обитатели южных морей. И даже лампа над головой напоминала по форме кормовой фонарь военного фрегата, бороздившего моря лет триста – четыреста назад.

Диван, на котором Антону предстояло провести ночь, был узким и жестким, а накрахмаленное белье пахло чистотой и морем. Антон разулся, потянулся было за кейсом, собираясь сделать себе укол, но тут внизу снова зловеще забили часы, и он от неожиданности отдернул руку, да так и застыл в напряженной позе, пока не пробило двенадцать ударов.

– Чертовы часы, – прошептал он, – по идее, сейчас должна открыться дверь и войти старуха.

Едва он это проговорил, как в дверь постучали, затем она медленно, с тихим скрипом отворилась, и в комнату тяжело вошла хозяйка дома в длинном, до пят, белом платье, которое висело на ней, как на вешалке. На голове у нее была такая же белая широкополая шляпа с мертвым, помятым букетиком на полях. В руках она держала костяной веер и от волнения постукивала им по ладони, словно кастаньетами. Вид у хозяйки дома был более чем музейным, и только горящий взгляд говорил о том, что она из этого мира.

– Это я, Антон, – прошептала Елена Александровна. – Ради бога, извини за то, что я тебя потревожила. Мне так хотелось увидеть тебя еще раз. Так хотелось посидеть с тобой, поговорить наедине. Ты позволишь мне войти?

– Конечно, Елена Александровна, – растерянно ответил Антон.

– Я ненадолго, – возбужденно проговорила она.

Больше всего Антона напугала страсть, с которой говорила хозяйка дома. Страсть, такая неуместная в этом тщедушном, высохшем теле, а потому противоестественная. Она была

больше похоже на старую механическую куклу, у которой сорвалась пружина. Движения ее были резкими и беспорядочными, она то закрывала лицо руками, то не ко времени всплескивала ими и закатывала глаза. Казалось, что сейчас завод кончится, пружина раскрутится до конца и металлическая лента, прорвав платье, выскочит где-нибудь на спине.

Нехорошее, жутковатое чувство охватило Антона. А Елена Александровна, кротко спросив разрешения присесть рядом, устроилась на краешке дивана и громким шепотом продолжала:

– Это твой дом, Антон. Все здесь принадлежит тебе и только тебе. Ты купил этот дом для меня, и я хочу, чтобы ты здесь жил. Помнишь, как ты внес меня сюда на руках? Помнишь? – с надеждой и отчаянием спросила она.

Антон промычал в ответ что-то невразумительное, и Елена Александровна с горечью торопливо перебила его:

– Молчи, молчи! Ты не виноват. У нас забирают память перед следующим рождением, иначе бы мы рождались на свет уставшими стариками. Я напому тебе: я была в этом самом белом платье и в этой шляпке с флердоранжем. Мы пришли сюда пешком по пляжу, и ты полдороги нес меня на руках, потому что мне в туфли все время набивался песок. А потом ты внес меня на второй этаж. Ты был таким же красивым и сильным, как сейчас. Ты внес меня и положил на этот самый диван. А потом ты любовался мной. Снял с меня шляпку, поцеловал, распустил мне волосы. Помнишь, как ты вынимал шпильки из моих волос? О, какие у меня тогда были волосы! – По впалым старческим щекам Елены Александровны скатились две слезы, и она закрыла лицо руками. – Почему ты умер так рано? – сквозь рыдания проговорила она. – Зачем ты бросил меня одну в этом страшном, холодном мире? Ты же клялся, что любишь меня и будешь любить вечно. У тебя была я, были сын, дочь и еще не родившаяся Наташа. Ну что ты молчишь?

Антон с шумом выдохнул, провел ладонью по вспотевшему лбу и проговорил:

– Ну, вы же сами понимаете...

– Не говори мне «вы», – перебила его Елена Александровна. – Скажи мне «ты». Мы здесь одни. Сделай милость, зови меня как раньше – Леночкой. Я понимаю, я старая, а ты молодой. Ты ничего не помнишь из нашей прежней жизни. Тебе все это кажется бредом. Может, даже ты считаешь меня сумасшедшей, но все равно, дай мне хотя бы на несколько минут вернуться в прошлое. Скажи мне: Леночка. Я очень тебя прошу. Я умоляю тебя!

– Леночка, – деревянным голосом произнес Антон.

– Мне скажи. Мне. Меня назови Леночкой. Обратись ко мне...

Антон наконец понял, что от него хотят, и сразу успокоился. Желание Елены Александровны теперь, после стольких лет ожидания, казалось ему вполне естественным. Он даже подумал, что многолетним затворничеством старуха заслужила этот вечер, какой бы безумной ни казалась со стороны ее затея. А потому, внутренне собравшись, он посмотрел Елене Александровне в глаза и как можно теплее сказал:

– Леночка. Всего я, конечно, не помню, но, честное слово, когда я в темноте подошел к твоему дому, он показался мне знакомым.

– К своему дому, – со счастливым лицом пропела старуха. – К своему! Потому он и показался тебе знакомым. Ты все вспомнишь, дорогой, все вспомнишь. Я помогу тебе, и мы проживем с тобой мои последние дни вместе. Я расскажу тебе, как жила все эти годы. Ты увидишь, я была верна тебе. Ко мне сватался Сергей Владимирович – твой друг, художник. Ты помнишь его? Я отказала ему. Он умер в одиночестве лет десять назад, спился, бедняга. Хороший был человек, царствие ему небесное.

– Я не помню Сергея Владимировича, – меланхолично ответил Антон. Затем, немного подумав, он добавил: – Никак не могу привыкнуть к этой роли. Мне кажется, я не мог быть вашим мужем. И у меня есть доказательства.

– Доказательства? – удивилась Елена Александровна. – Какие же?

– Не знаю, покажутся ли они вам достаточно убедительными. Сколько я понял, ваш муж был человеком положительным во всех отношениях. Так?

– Допустим, – ответила Елена Александровна, и в глазах у нее появилась тревога. Она машинально тронула шляпку, расправила кружева на груди и добавила: – Ну?

– Значит, в своей последующей жизни ваш муж никак не может быть хуже, чем в предыдущей. Так вот... – Антон запнулся, как бы подыскивая слова, а затем решительно проговорил: – Он никак не мог стать мной. Я – наркоман. – Ему показалось, что Елена Александровна с облегчением вздохнула, и он пояснил: – Я не считаю себя чересчур скверным человеком, но в том мире, в котором живете вы, таких, как я, не жалуют. Знаете, что скажет ваш сын, если узнает о моей... особенности? Скажет, что я – подонок.

– Милый мой Антон, – с каким-то победным пафосом произнесла старуха, – что мы знаем о том, кем и какими должны быть? Неужели ты всерьез думаешь, будто с каждым новым своим рождением человек получает все более и более высокую должность и большую зарплату? Бедный мой мальчик, душа – это Золушка, одетая в отрепья, а не усатый генерал в расшитом золотом мундире, и чем больше она, тем скромней на ней одежды. Самое главное достоинство души – умение любить бескорыстно. Вещь, согласись, совершенно бессмысленная для удобного проживания на этом свете. А насчет доказательств, – сказала Елена Александровна и положила свои сухие ладони на колени, – я тебе вот что скажу: – Ты в той своей жизни никогда бы не стал вот так выслушивать признание в любви какой-то старухи. Мой муж был очень хорошим человеком, но не стал бы, как ты, тратить вечер на сумасшедшую старую каргу.

– Так вы все-таки сумасшедшая? – с улыбкой спросил Антон.

– Нет, – тихо ответила Елена Александровна, – хотя вы все и считаете меня такой. Послушай меня, Антон. – Голос Елены Александровны сделался еще более тихим, глаза покрылись поволокой, она подалась вперед и, глядя поверх головы Антона, продолжила: – Где бы я ни родилась в следующий раз, через девятнадцать лет тридцатого августа я явлюсь к тебе молодой, восемнадцатилетней девушкой. Ты не можешь быть сейчас со мной, а я смогу. И тогда мы опять соединимся. Я останусь с тобой до конца твоих дней. Вот это письмо ты дашь мне прочитать, когда я приду к тебе. – Елена Александровна, словно заправский иллюзионист, достала из складок платья запечатанный конверт и отдала его Антону. – Это мое письмо ко мне той, восемнадцатилетней.

– Я не доживу, – усмехнулся Антон. – Девятнадцать лет – слишком много для меня.

– Доживешь, – уверенно сказала хозяйка дома. – Ты бросишь свои наркотики. Ты будешь ждать меня, как я ждала тебя. Нам не повезло, жизнь и смерть разлучили нас, и мы вынуждены будем встретиться на этом свете на короткий срок. Но и за это я благодарна судьбе, потому что люблю тебя. Что такое девятнадцать лет, когда у меня есть ты?

– Видите ли, я люблю другую женщину, – неожиданно перебил ее Антон. – Я приехал сюда за ней.

– Нет, – твердо возразила Елена Александровна. – Ты приехал, чтобы увидеть меня и попрощаться со мной. Ты можешь этого не знать, Антон, но это так.

– Тогда почему мы не встретились раньше? – спросил Антон.

– Потому что мы все равно не смогли бы быть вместе. Ты бы не захотел. А когда мне пришло время умирать, ты вернулся. И любишь ты не ее, а меня, меня прежнюю. Хочешь, я расскажу тебе, какая она? Она во всем похожа на меня, за это ты ее и выбрал. Она похожа на меня и внешне. Посмотри, это я в молодости.

В руке у Елены Александровны появилась фотография. Она протянула ее Антону, и тот, поколебавшись, взял. Он успел заметить молодую красивую даму с пышной прической, хоть и в незнакомом убранстве, но очень похожую на его жену.

В этот момент в дверь постучали, и в комнату вошел Александр. Он подошел к матери, положил ей на плечо руку и сказал:

– Мама, гостю надо спать. Завтра утром вы увидите. – При этом Александр как-то неумело подмигнул Антону, и тот, сообразив, в чем дело, охотно поддержал его.

– Да, да, Леночка, завтра мы увидимся, – торопливо пообещал Антон, и Александр недовольно поморщился.

– Вы хорошо вжились в роль, папа, – сказал он.

Антон хотел было ответить ему какой-нибудь резкостью, но посмотрел на хозяйку дома и сдержался. А Елена Александровна поднялась с дивана и, опираясь на руку сына, игриво попрощалась:

– До завтра, любимый. Спокойной ночи!

Как только за ними закрылась дверь, Антон с облегчением вздохнул и машинально обулся. Первое, что пришло ему в голову – это мысль о побеге. У него не было никакого желания дожидаться завтрашнего дня и утром снова выслушивать этот сумасшедший бред. Кроме того, чувствовал он себя отвратительно. Все это время Антон ждал, когда наконец останется один, чтобы сделать очередной укол. Но при воспоминании о прощальной фразе Елены Александровны Антона передернуло, затем он нервно рассмеялся, положил письмо в кейс, осторожно закрыл дверь и в абсолютной темноте спустился вниз.

– Уходите, папа? – услышал он совсем рядом голос Александра.

– Да, сынок, мне пора, – тихо ответил Антон. – Покажите-ка мне, как отсюда выйти.

Вслед за этим послышался скрип половиц, и впереди открылась дверь на улицу.

– Прощайте, папа. Надеюсь, мы больше никогда не увидимся, – сказал Александр.

– Да, сынок. Я тоже не получил удовольствия от встречи с тобой. Слишком много времени прошло. Видно, отвык.

Антон вышел на крыльцо, и дверь тут же закрылась за ним.

Обратно он добирался не менее часа. Идти по песку было чрезвычайно трудно и противно. В тишине, которую нарушал лишь ритмичный шорох мелкой волны, песок пронзительно хрустел под ногами, набивался в туфли, а разбросанные по пляжу большие камни как будто сами лезли под ноги.

Антон сильно знобило, хотелось пить. Наконец он не выдержал и на знакомом повороте к улице Чанба сел на брошенный деревянный ящик из-под бутылок. Отдуваясь, словно преодолел высокую гору, он раскрыл кейс, достал стерилизатор, отшвырнул от себя мешавший чемоданчик и уже неторопливо проделал привычную операцию.

Добравшись до калитки, Антон открыл ее, пересек двор и, закрывая за собой дверь каморки, увидел, как в нескольких метрах от него в буйных зарослях кустарника мелькнула тень. Антон вздрогнул, некоторое время постоял у двери, прислушиваясь к тому, что происходило снаружи, и, не включая света, на ощупь отыскал кровать. Он только собрался сесть, как в дверь тихонько поскреблись. После этого скрипнули несмазанные петли и в образовавшуюся щель кто-то прошептал:

– Можно?

– Лена? – испуганно спросил Антон. – Это ты?

– Я, я, – ответила гостья, и Антон почувствовал, как у него похолодело в груди.

– Ты получила мое письмо? – взволнованно спросил он. – Как ты меня нашла?

– Так и нашла, – прошептала гостья. Она проскользнула в каморку, быстро затворила за собой дверь, и в комнате сделалось совсем темно.

– Я приехал повидать тебя, – зашептал он. – Не знаю зачем. Мне без тебя почему-то плохо. – Он протянул руку, привлек ее к себе и в промежутках между поцелуями забормотал: – Я наврал в письме... Ты мне нужна... Я смогу... – Наконец он поймал губами ее полураскрытый влажный рот, запустил в волосы пальцы и, придерживая затылок, долго целовал,

испытывая при этом какую-то болезненную истому. А она обвила его шею руками, прижалась к нему всем телом, да так, что Антон покачнулся, сделал шаг назад и, наткнувшись на кровать, потерял равновесие, упал и увлек ее за собой.

Он гладил ее свободной рукой по шее и груди, на все лады хрипло шептал: «Леночка! Леночка!» – а она тихонько смеялась от удовольствия и подставляла губы. Словно в полусне, Антон ласкал ее, иногда на мгновение замирал, но только для того, чтобы сказать очередную нежную глупость, пока наконец она не подала голос:

– Халат не порви, дурашка.

– Что? – испуганно спросил Антон и застыл в той позе, в какой его застала эта фраза.

– Халат. Халат не порви, – повторила она, и он явственно услышал, как расстегиваются пуговицы халата. Ткань у него под рукой поползла вниз, и Антон, положив руку на голую грудь, провел по ней ладонью и тихо спросил:

– Ты кто?

– Познакомиться хочешь? – насмешливо ответила гостья.

Антон молча поднялся, отошел к двери и пошарил по стене рукой. Затем он щелкнул выключателем и вспыхнул свет.

– Ну вот, – закрывая лицо от света, недовольно проговорила гостья. Другой рукой она запахла халат, а затем села. – Я не Леночка.

– Вижу, – растерянно ответил Антон, хотя ослеп от яркого света и с трудом мог бы сейчас отличить собаку от кошки.

– Я твоя соседка. Мы сегодня днем с тобой виделись. Помнишь?

– Помню, – соврал Антон, лихорадочно соображая, где и когда это произошло.

– Вот решила тебя навестить. Спать не хочется, я днем выспалась. Дай, думаю, соседа навещу. Да ты чего так перепугался? Я не съем тебя.

– Не съешь, – приходя в себя, устало повторил Антон и довольно грубо добавил: – Извини, мне сейчас не до приключений. Я спать хочу.

Гостья фыркнула, встала и, застегиваясь на ходу, подошла к двери.

– Спокойной ночи, Ромео, – на прощание насмешливо сказала она.

– Спокойной ночи, Арландина, – ответил Антон.

Когда он лег, на улице начало светать. Через маленькое, завешанное белой тряпкой оконце в каморку полез серый, промозглый рассвет, в саду умолкла цикада, и где-то далеко, словно игрушечный моторчик, тихо протарахтел автомобиль.

2

Проснулся Антон поздно, когда солнце уже до такой степени нагрело крышу, что в каморке стало трудно дышать. И все же Антон еще долго лежал, прислушиваясь к тому, что происходит на улице. Он пытался вспомнить последний сон, но сосредоточиться ему мешала большая зеленая муха, которая, словно тяжелый самолет, идущий на бомбометание, кружила по комнате. И чем больше он напрягал память, тем более расплывчатым становился смысл сна. Ему удалось вспомнить лишь странную пару: один – длинный, около двух метров, худой, в больших роговых очках; другой – маленький, с клочковатой рыжей бородой. Они шли по заснеженному берегу моря с ананасами в руках и говорили о нем. Антону запомнилась только одна фраза, которая к нему как раз не относилась, но он все силился понять, что имел в виду бородатый, сказав: «Бог любит юродивых и героев».

Разозлившись на муху, Антон встал с кровати и настежь раскрыл дверь. В комнатушке сразу стало светло и немного прохладнее. Затем он достал лист бумаги, авторучку и, положив кейс на колени, принялся писать письмо:

«Лена!

Я еще раз решил написать тебе, хотя и не уверен, что ты получишь это письмо. Я собираюсь вернуться домой, потому что понял всю бессмысленность своего пребывания здесь. Мне не удалось убежать от самого себя, наверное, это и невозможно. Я просто перенес себя – со всем, что меня окружало в Москве, – в другой город и здесь продолжаю жить той же безумной жизнью, среди таких же безумных людей. Это лишь доказывает, что человек носит свою судьбу и образ жизни в себе самом. Можно, конечно, отказаться от прошлого, сжечь карму, но я пока не представляю себя в новом качестве, не знаю, чем буду жить, а значит, и не готов к такому отказу. Боюсь, ты поймешь меня неправильно и подумаешь, что я хотел бы отказаться от всего, что тебе так ненавистно. Для того, чтобы тебе стала понятнее моя мысль, я расскажу продолжение той истории.

Итак, я шел по дороге, пока меня не подобрала попутная машина. Мне было все равно куда ехать, и шофер отвез меня в небольшой городок, названия которого я сейчас не помню. Все утро я прошатался по городу, пытаюсь найти что-нибудь поесть, пока не встретил женщину такого б... вида, что даже младенец понял бы, чем она занимается. Я не знаю, почему подошел именно к ней. Возможно, в тот момент мне показалось, что в подобной ситуации помочь может только такой человек.

Я объяснил ей, что со мной произошло, что очень хочу есть, и она дала мне три рубля. Затем спросила, знает ли кто из моих знакомых, куда я поехал. Я ответил, что не знает и не может знать. Женщина дала мне еще пять рублей, сказала, где я могу купить продукты, а потом предложила переночевать у нее. Она продиктовала адрес, но просила никому не говорить о том, где я буду ночевать, потому что у нее плохие отношения с милицией. “Постучишь три раза, – пояснила она, – а когда спросят: “Кто?”, ответишь: “От Клары”. Тебя проведут ко мне”.

До самого вечера я болтался по городу, пообедал и даже поспал час в скверике на траве. Когда начало смеркаться, я поехал в гости к Кларе.

Дом оказался на самой окраине, к тому же на отшибе, в стороне от дороги. Мне пришлось порядком побродить, так как дом был полностью скрыт густыми зарослями ежевики и вела к нему даже не дорожка, а едва заметная в темноте тропинка. Ни в одном окошке света не было, и мне пришлось искать дверь в абсолютной темноте. Без всякой надежды я постучал и уже собрался было уходить, как за дверью спросили: “Кто?” Я ответил, и меня впустили в совершенно темную прихожую. Затем кто-то взял меня за локоть и повел по коридору. Страшно мне не было. Я не раз бывал в подобных домах, где образ жизни хозяев требовал определенной конспирации. Наконец рядом распахнулась дверь, и я попал в большую комнату, по углам которой в бронзовых трехголовых подсвечниках горели свечи. Посреди гостиной стоял накрытый стол с вином и закусками, а за столом сидело не менее десяти человек. Клары среди них не было, зато у плотно занавешенного окна я увидел уже знакомого кавказца и его белокурую подругу. Я обрадовался этой встрече, кивнул им, но они сделали вид, что не знают меня. Провожатый усадил меня за стол как раз между моими спасителями. Слева сидел кавказец, справа – его знакомая. Мне налили вина, положили на тарелку жареного мяса и сказали, чтобы я не стеснялся, брал все, что захочется. За ужином я все время думал, как могло произойти, что я снова встретил эту необычную пару – и так далеко от первого места встречи. Но ни к какому выводу не пришел, а потому приписал все случаю.

Все сидящие за столом по очереди подходили ко мне и просили пить за хозяина дома, которого звали Самаэль. Чокаясь, они говорили одно и то же: “Самаэль здесь хозяин, и нет хозяина, кроме него”. Затем выпивали и отходили. При этом соседка справа все время говорила мне: “Не пей. Только делай вид, что пьешь”. Но я ее не послушал.

Когда очередь дошла до кавказца, я тихо спросил, помнит ли он меня. Он ответил, что не помнит и видит в первый раз, но это неважно, потому что сегодня вечером я их гость. Тогда я так же тихо спросил: где сам хозяин – Самаэль, за которого мы все пьем? И он ответил: “Пей спокойно и ни о чем не думай. Хозяин здесь, он все видит, все слышит, но за столом его нет”.

После того, как с каждым выпил по фужеру, я совершенно захмелел и сейчас некоторые подробности помню плохо. Например, я не заметил, в какой момент со стола исчезли закуски и вино, но помню, что с него сдернули скатерть, а потом все присутствующие по очереди принялись нараспев читать какие-то слова. Меня же попросили негромко повторять их за читающим, а смысл обещали объяснить потом. Моя соседка справа, однако, снова прошептала, чтобы я не повторял эти слова, а только делал вид, шевелил губами. Но я опять ее не послушал. Позже я обо всем догадался. Ты же знаешь, у меня есть дурацкая привычка читать вывески, заголовки газет и разные названия наоборот. И вот, когда мне наскучило долдонить эту абракадабру, я решил развлечься. В этот момент один закончил читать, а следующий начал все сначала. “Сан йулимоп, йинтремссесб йытявс, йикперк йытявс, ежоб йытявс. Нима. Вокев икевов...” – читал он нараспев, а я переводил все наоборот, пока не понял, что это за текст. Догадавшись обо всем, я испугался и перестал повторять, сделал вид, что совсем опьянел и засыпаю. Тогда мой сосед слева сказал присутствующим: “Наш друг совсем пьяный. Я отведу его наверх к Кларе, пусть поспит, а вы пока приготовьте все, что нужно”. Он помог мне подняться и повел на второй этаж. Его белокурая подруга пошла с нами. На лестнице, в темноте, она шепнула мне: “Не спи”, и я наконец решил ее послушаться.

Наверху, в большой комнате с широкой тахтой посередине, нас встретила Клара. Она была вся в черном и держала в руке подсвечник с горящими свечами. Мои спутники передали меня хозяйке дома, а сами сразу ушли. Клара спросила меня, хорошо ли я поел, попил, и я, приговариваясь сильно пьяным, ответил, что хорошо. Затем она предложила мне лечь, поставила подсвечник на пол, сняла с меня куртку, помогла разуться и, когда я лег, накрыла мне ноги покрывалом. Сев у изголовья, она гладила меня по голове и изредка спрашивала: “Ты спишь?” Каждый раз я заплетающимся языком отвечал: “Да, уже засыпаю”. Помня, тем не менее, о совете своей белокурой соседки, я не спал, да и не мог бы уснуть, даже если б захотел. Мне было по-настоящему страшно, и все это время я лихорадочно соображал, как же выбраться из этого страшного жилища, если я не помню даже, в какой стороне входная дверь, а в доме совсем темно. Я уже догадался, что мне уготована какая-то нехорошая роль, но мог только вообразить, что сделает со мной эта женщина, если я случайно усну.

Клара еще раз спросила, сплю ли, но я решил промолчать, застонал, будто во сне, и перевернулся на бок, лицом к занавешенным окнам. После этого Клара встала и бесшумно выскользнула из комнаты. Одной секунды мне хватило, чтобы вскочить с тахты, сунуть ноги в туфли и надеть куртку. Я подбежал к окну, рывком раздвинул шторы и дернул раму так, что у меня под ногами дрогнул пол. Окно оказалось забитым. В комнате, кроме тахты и подсвечника, ничего не было; я схватил тяжелый бронзовый подсвечник и со всей силы швырнул его в окно. Когда отзвенели осколки стекла, я услышал, как, громко топая, вверх по ступенькам поднимаются несколько человек. Не дожидаясь, я пролез в окно, порезал себе лицо и руки и, не раздумывая, спрыгнул вниз. Я уже не помню, как бежал от дома. В памяти остались лишь скрип и хлопанье дверей, звон разбитого стекла и придушенные крики: “Лови его!”

Потом всю ночь, дрожа от страха, я прятался по подъездам, прислушивался к каждому шороху. Стоило этажом ниже пробежать кошке, как я срывался с места и, обливаясь холодным потом, через чердак перебирался в соседний подъезд, а оттуда в соседний дом. И ты знаешь, именно в ту ночь я понял, как много значит моя жизнь и как дешево ее оценивают те, кто, казалось бы, помогает или берется спасти, потому что никогда не известно, ради чего тебя спасают и кто этот спаситель.

И вот сейчас я мучительно пытаюсь разгадать, кем ты была в моей жизни, сидела ли ты справа от меня или слева, и что было бы, если бы я послушался тебя, сидящую у моего изголовья, и сделал так, как ты говорила. Не знаю.

Прости меня, я не хочу тебя обидеть, просто делюсь своими размышлениями. Жизнь не так уж и сложна, и выбор у нас невелик. Мы никогда не знаем, что следует выбирать, а потому,

однажды сделав неправильный шаг, пускаем жизнь под откос, падение принимаем за полет, а движение вперед – за бессмысленный путь в никуда».

На письмо ушло довольно много времени, и последние строчки Антон почти скомкал. Руки у него сильно дрожали, шарик от чрезмерного усердия рвал бумагу. Антон боролся с тошнотой, обливался горячим потом и думал уже не о словах, а как бы поскорее закончить и ввести себе очередную дозу морфия.

Дописав, Антон швырнул листки на кровать, достал жгут, стерилизатор и, уже не торопясь, аккуратно сделал вожденный укол. Постепенно ослабляя жгут, он откинулся к стене и некоторое время просидел в неподвижности, смакуя вхождение в непостижимый мир грез, существующий как бы по ту сторону игольного ушка.

Наконец Антон встал, не спеша оделся, сложил письмо вчетверо и вышел во двор. По огороду деловито бродили рыжие куры, с осторожным любопытством поглядывая на нового жильца. Антона слегка пошатывало, хотя в ногах он чувствовал какую-то неестественную легкость, словно земля перестала удерживать его на своей поверхности, ослабила притяжение. Мол, отталкивайся и лети на все четыре стороны.

Антон вышел за калитку и остановился рядом с лавровым кустом, который отнюдь не выглядел сейчас благородным лавром, а был, как все придорожные кусты, пыльным и чахлым. Изрытая ухабами улица была совершенно пуста. Убогий вид ее резко диссонировал с роскошными живыми оградами садов, за которыми виднелись богатые особняки, обсаженные кипарисами и мандариновыми деревьями. Кое-где над оградами нависали фигурные листья инжира или полотнища банановых пальм. Изредка во дворах перегавкивались собаки, сообщая друг другу о приближении чужого, и лишь неподвижное полуденное солнце работало в полную силу, отчего воздух, как бы закипая, устремлялся вверх, в разомлевшие белесые небеса.

Неожиданно Антон увидел знакомую фигуру в белом платье. Наташа шла по дороге в сторону вокзала и небрежно помахивала плетеной хозяйственной корзиной. Она тоже заметила Антона, перешла на его сторону и, улыбаясь, приблизилась к нему.

– Здравствуйте, папочка, – поздоровалась она и протянула руку. – Жаль, что вы сбежали ночью. Хотя, может, это и к лучшему.

– Я не сбежал, – ответил Антон. – Вы же сами сказали, что после ужина я могу уйти. Вот я и ушел.

– Вы так хорошо сыграли свою роль, – кокетничая, похвалила его Наташа. – Маме очень понравилось. Бедная мамочка.

– По-моему, никакая она не бедная, – возразил Антон.

– Бедная, бедная, – перебила Наташа.

– Кто знает, может, я действительно когда-то был вашим отцом. Елена Александровна почти убедила меня в этом. Вот только сын мой мне не понравился. Я не люблю людей, которые точно знают, как надо жить. Они признают только то, что можно пощупать, и стараются урвать на этом свете как можно больше. Кажется, он испугался, что я лишу его наследства.

– Да, – равнодушно согласилась Наташа. – Саша такой, крепко стоит на земле. А насчет того, чтобы вы были моим папочкой, я согласна. Поэтому идемте со мной. Как дочь, я имею на вас некоторые права. Я в железнодорожный магазин, за хлебом. Там, знаете, продают такие огромные буханки. Очень вкусный хлеб и всегда свежий.

– Ну что ж, пойдемте. Я только опущу письмо. Это здесь, рядом, за углом. – Они пошли по дороге, и Наташа взяла своего спутника под руку.

– Вы что, не выспались? – спросила она. – Глаза у вас пьяные.

– Да, я всю ночь пил водку с какими-то двумя мерзавцами. Кстати, один из них на прощание мне сказал, что Бог любит юродивых и героев. Вы не знаете, что это значит?

Наташа пожала плечами и, подумав, ответила:

– Наверное, так оно и есть. Юродивые довольствуются тем, что имеют, а герои все берут сами. Вы-то кто, юродивый или герой?

– Не знаю, наверное, ни тот ни другой, – пожал плечами Антон.

– Значит, вы иждивенец, как и я. Они правы. Бог не любит иждивенцев, но нас много, и Ему приходится с этим мириться.

Они подошли к сгоревшему барaku. Антон открыл и с силой захлопнул покосившуюся калитку, затем достал письмо и опустил его в почтовый ящик.

– Здесь же давно никто не живет, – удивилась Наташа.

– За почтой они, наверное, приходят, – ответил Антон. – Они живут где-то рядом.

– Родственники? – поинтересовалась Наташа.

– В некотором смысле, – уклончиво ответил Антон. Он заглянул в щель почтового ящика и все же пояснил: – В этом сгоревшем баракe у меня когда-то была большая, светлая любовь, но так давно, что я уж и не помню ее вкуса. Как видите, остались одни декорации.

Они не торопясь прошли мимо грязной, обшарпанной шашлычной и вышли к пакгаузу. Земля здесь была пропитана гудроном, и запах его ощущался столь остро, что Наташа зажала нос двумя пальцами и гундосо пошутила:

– Лет через сто здесь откроют большое месторождение нефти.

Они миновали вокзал, и вскоре Наташа остановилась, показав пальцем на дверь с огромным висячим замком.

– Закрыт, – вздохнула она и вдруг предложила: – Может, прогуляемся? Глядишь, попозже и откроют.

– Жарко, – поглядев на небо, ответил Антон. – Да уж ладно, давайте погуляем. Делать все равно нечего.

– Ну-у. – Наташа с шутливой укоризной посмотрела на своего спутника. – Женщинам так не говорят: «да уж ладно». Могли бы и соврать, что с удовольствием.

– Не люблю врать, – ответил Антон.

– Поэтому и пишете письма сгоревшему бараку.

На вокзале завели Челентано. Несколько таксистов, ожидающих поезда, лениво переговаривались в тени дерева, выдавая не более одного слова в минуту. Они томно разглядывали редких прохожих, поплеывая сквозь зубы и оживляясь лишь при появлении женского пола.

– А вы сейчас один живете? – спросила Наташа.

– В смысле, успели ли мы разъехаться? – спросил Антон. – Она здесь, в Гагре. Кажется, нашла мне замену.

– Значит, я угадала, это вы ей пишете письма, – сказала Наташа.

– Да, – ответил Антон. – Недообъяснися. Хотя... все это уже никому не нужно.

– Ну, это вы зря, – сказала Наташа и засмеялась. – Вы еще молодой, красивый. Пройдет немного времени, и помирится. Я вот тоже сама ушла от мужа, а теперь жалею. Встретила симпатичного мальчика, влюбилась и ушла. Э-эх, любви захотелось. Он моложе на двенадцать лет, а мне все равно было. Я совсем голову потеряла. Знаете, все с самого начала: любовь, цветы, ухаживания, разговоры. А потом поняла, что не он, так другой был бы. Просто мне надоел мой муж. А этот – молодой, с горящими глазами... Правда, они у него быстро погасли. Наелся, они и погасли. Вам же не много нужно: получили свое – и вперед, к новым вершинам. Ну и черт с ним. Я ему благодарна за то, что он еще раз дал мне пережить девичью любовь. Ему нужна была опытная педагогиня, он, так сказать, входил в жизнь, и я его всему научила. Теперь у него есть опыт. – Наташа опечаленно вздохнула. – Он, дурачок такой, закомплексованный был. Я с него все комплексы сняла. Теперь снится по ночам. Приходит и гладит по голове. Ласковый был, паразит.

– А муж? – спросил Антон.

– А что муж? Муж в Москве. Говорит, переживает. Нашел себе утешительницу. У них тоже любовь жгучая как горячий борщ... Жизнь продолжается. Да даже если б он и захотел начать все сначала, не получилось бы. Я его не люблю. Он мне теперь вроде дальнего родственника: отношусь хорошо, но не люблю. Если бы я не ушла, может, все и обошлось бы. Да и баба у него теперь такая, что от себя не отпустит. Цепкая. Даже дома красится, как попугай. Я дома черт-те в чем ходила. Это сюда приехала, надела мамино платье – это вот. Теперь вылезать из него неохота. Не хочется прощаться с праздником.

– Не прощайтесь, – сказал Антон.

– А куда денешься? – вздохнула Наташа. – За летом, как известно, идет дождливая осень, потом – длинная холодная зима. А у меня пальто черное.

– Купите себе белое, – сказал Антон.

Наташа посмотрела на него с сожалением и ответила:

– На какие шиши? Ну ладно, хватит о любви и тряпках. Я хотела сказать, что рада нашему знакомству. Как-то вы мне сразу понравились. Вы странный. И взгляд у вас странный. Будто вы все о нас, бедненьких, знаете... знаете, что с нами будет, и жалеете нас, но ничем помочь не можете. Вы ведь знаете?

– У вас вся семья такая... как ваша мать? – поморщившись, спросил Антон.

– Ну, так знаете или нет? – с улыбкой спросила Наташа.

– По-моему, вам просто неинтересно жить, и вы лепите из меня героя для романтической истории. Хотите, я научу вас интересно жить?

Они уже прошли пару автобусных остановок и, разглядев в проходе к морю открытое кафе под могучим платаном, свернули налево, расположились на ажурных проволочных стульях и почти одновременно сказали: «Хорошо-то как!» Наташа рассмеялась, положила сумку под столик и добавила:

– Здесь есть все, что нужно для незапланированного праздника.

Несмотря на полуденный зной, на пляже под железобетонным парашементом, над которым располагалось кафе, загорали всего десятка два отдыхающих. Море было спокойным и каким-то странно расслабленным. Оно, словно живое, едва покачивалось в своей гигантской яме, слепило бликами и потрясало чудной прозрачностью воды. Лежавшие на небольшой глубине камни казались куда более реальными, чем серая береговая галька.

– Здесь официантов нет, – сказала Наташа. – Надо войти вон в ту дверь. Может, там есть мороженое. Кстати, там и вино есть – "Апсны абукет". Дерябнем по стаканчику?

– Да, вашему брату до вас далеко, – рассмеялся Антон и, медленно поднявшись, отправился за вином.

К столу он вернулся, держа в руках большой графин с кроваво-красным вином и две вазочки мороженого. Он сел, торопливо разлил вино по стаканам и виновато проговорил:

– Если можно, я сразу выпью. Очень хочется пить. Еще пятнадцать минут, и я бы прыгнул в море.

– Хорошее вино, – выпив, сказала Наташа. – Я сниму босоножку? Ногу натерла.

– Ради бога, – ответил Антон, – мне не жалко.

– Да? – рассмеялась Наташа. – А чего вам жалко?

– М-м. Вас жалко, – немного подумав, ответил Антон. – Очень печальную историю вы мне поведали. Я чуть не расплакался.

– Меня жалеть не надо. Я женщина опытная, все уже знаю, все понимаю, могу сама собой распорядиться без всякого для себя вреда.

– Вообще-то мне весь ваш пол жалко, – сказал Антон. – Познакомись вот с какой-нибудь девушкой, глаза ясные, поначалу думаешь: перед тобой чистый лист бумаги, а узнаешь поближе, там столько всего написано. О-го-го! Правда, написано все одно и то же, только разными почерками. Всякая тайна в конце концов оборачивается вереницей житейских драм и

неинтересных подробностей. Таких похожих друг на друга так, что даже противно становится. Вот, хотите, я всю вашу жизнь расскажу? Если и ошибусь, то только в хронологии или в профессии. Но это и неважно: в редакции вы сидите, чай пьете, или в бухгалтерии на обувной фабрике.

– О своей жизни я сама все знаю. Вы обещали научить меня интересно жить. Я слушаю, начинайте.

– Хорошо, только не обижайтесь, – сказал Антон и налил в стаканы вина. Когда они выпили, он продолжил: – Вы очень правильно живете, поэтому с вами ничего не происходит. А ваш уход от мужа – это всего лишь банальная попытка как-то изменить скучную жизнь.

– Уже интересно. Продолжайте, – кивнула Наташа.

– Вам нужно почаще совершать глупые поступки.

– О-о-о! Я их уже столько на совершала, что до конца жизни хватит расхлебывать, – расмеялась Наташа.

– Это не совсем то. Вы живете по законам, установленным не вами, в рамках системы, которая, может, и не соответствует вашему характеру, а глупый поступок ломает эту систему. Знаете, как случай ломает привычный уклад. Большинство людей не совершают глупых поступков, проживают жизнь правильно от корки до корки, и ничего необыкновенного с ними не происходит. А случай может все, он всемогущ. Вы случайно появились на свет, случайно встретили своего будущего мужа, а потом и того доброго молодца. Но случай тоже, как это ни странно звучит, подчиняется своим законам. Если вы любите туризм, то, скорее всего, встретите такого же любителя таскать тюки с барахлом и ночевать в палатке на голой земле. Если вы любите сидеть дома и вязать, случаю будет очень трудно подобрать вам подходящую пару. Если же вы мечтаете о настоящем принце королевских кровей, вам придется ох как много поработать. Это только в сказках принц берет в жены замарашку. Такие сказки обычно заканчиваются свадьбой, и ни один сказочник не рискнул описать жизнь кухарки или прачки с королевским отпрыском. Сами знаете, что из этого вышло бы. Так что случай может все, но в пределах потребностей и возможностей каждого отдельного человека. А вот глупый поступок действительно может все. Глупым поступком вы сбиваете с толку собственную судьбу, случай в панике начинает подсовывать вам чужие варианты. И вот здесь главное – не ошибиться. И здесь опять же все целиком зависит от ваших способностей и потребностей. Кухарка, конечно же, позарится на большую медную сковородку. Когда у тебя большой выбор и нет времени на раздумья, ты вцепляешься в то, что по крайней мере тебе знакомо. Да и зачем кухарке принц? С ним хлопот не оберешься. А вот умный человек может извлечь из глупого поступка большую пользу. Надо только победить в себе жадность и не хватать все, что попадет под руку. Бескорыстие – еще одно условие игры. Иначе случай раскусит тебя и откупится каким-нибудь кошельком с тремя рублями на заплывающем тротуаре. В общем, чтобы что-то происходило, надо совершать глупые поступки, не бояться неприятностей и даже самому нарываться на них.

– Нет уж, неприятностей у меня и так хватает, – сказала Наташа.

– Неприятностями их только называют. На самом деле это повороты, которые мешают нам скучно жить. Мы же не любим, когда нас тормозят, а потому любой незапланированный поворот судьбы считаем неприятностью. Это как со справедливостью. Человек считает справедливым только то, что ему выгодно, что помогает ему сохранять оптимизм. Дали сто рублей – справедливо. Отругал начальник – несправедливо. Недогадливый обыватель просто не видит за этой «несправедливостью» отчаянных подпрыгиваний случая, который кричит ему: «Воспользуйся! Дай в ухо начальнику, уволься, продай последний шкаф и поезжай в Сочи. Там, на пляже, в пятой кабинке, ты найдешь золотой перстень с бриллиантом размером со сливу. Затем не ленись, купи газету “Сочинская правда”. В ней ты прочтешь заметку о том, что пуп земли, шахиншах Берега Бычачьей Кости, обещает десять миллионов долларов тому, кто найдет и вернет фамильный перстень. К десяти миллионам долларов прилагается крохотный

островок в Атлантическом океане, на скалах которого стоит маленький замок, кишаший привидениями. Торопись, – вопит случай, – или ты сейчас врежешь начальнику в ухо, или я отдам перстень другому». – Антон перевел дух и запил свой зажигательный монолог вином.

– Все это, конечно, интересно, – сказала Наташа. – Допустим, я вам поверила и сегодня, например, пойду на танцы. Вы считаете, что со мной произойдет что-нибудь интересное?

– Ф-фу, танцы, – разочарованно проговорил Антон. – Хотя можно и танцы. Какая разница? Только я не вижу в этом ничего глупого. Вы заранее соберетесь и пойдете веселиться, как все. Что же здесь глупого? Все так делают. Скорее всего, вы простояте весь вечер у стенки. Насколько я понял, вы не знаете, как себя вести на танцплощадке. Вернее, забыли. Там ведь тоже свои законы. Вот если вы, ни о чем не помышляя, проходя мимо и услышав музыку, на глазах у всего честного народа, не задумываясь, с воплями перемахнете через забор, с вами обязательно что-нибудь произойдет. И главное – не сопротивляться этому. А то ведь, совершив глупый поступок, вы испугаетесь, и снова будете вести себя нормально: начнете извиняться перед билетершей, сбежите обратно. И тогда все встанет на свои места. – Антон разлил остатки вина и неожиданно предложил: – Давайте выпьем на брудершафт.

– Обожаю пить с красивыми мужчинами на брудершафт, – рассмеявшись, ответила Наташа. – Только здесь как-то неудобно.

– Ерунда, – сказал Антон. – Никто же не знает, кем мы приходимся друг другу. – Антон внимательно посмотрел на Наташу и добавил: – Какая же вы трусиха!.. А может, даже и ханжа.

– Нет, я не ханжа, – ответила Наташа. – А, кстати, это будет считаться глупым поступком или умным?

– Пока не знаю, – ответил Антон. – Будем считать, что вы сделали первый шаг – дали начальнику в ухо.

Они скрестили руки, не торопясь выпили вино и три раза поцеловались, причем Наташа, целуясь, пощекотала ему губы кончиком языка.

Время летело быстро. Посетители приходили и уходили. Как-то незаметно опустел пляж, а солнце, изрядно потускневшее, опустилось ближе к морю и увязло у горизонта в жирных окровавленных облаках. С моря задул легкий бриз, и листья платана над столиком затрепетали, зашелестели мишурным шелестом. Нагретый камень медленно остывал, воздух стал более прозрачным, а море из бирюзового сделалось грязновато-белесым, словно в него влили молока и хорошенько размешали.

Антон, облив себя вином, безрезультатно пытался носовым платком стереть с белых брюк яркое розовое пятно, а Наташа наблюдала за ним и заплетающимся языком говорила:

– Бедный Антошка, тебе совершенно не во что переодеться?

– Ерунда, – ответил Антон, – одним пятном меньше, одним больше.

– Мы сейчас пойдем ко мне, и я выстираю брюки, – предложила Наташа. – Только вначале к тебе.

– Ты не передумала? – спросил Антон. – Смотри, втянешься, проклинать потом будешь.

– Нет, – упрямо ответила Наташа. – Я только один раз. Ты обещал, Антон. Я, как и ты, хочу всего попробовать. Я многое видела в этой жизни, многое перепробовала, но это... – Наташа понизила голос, оглянулась и заговорщицки прошептала: – Давно хочу попробовать морфий. А втянусь, черт с ним. Будем вместе кочевать по стране, а когда устанем, выроем в лесу берлогу и ляжем туда на веки вечные. Я буду твою лапу сосать, а ты – мою. Ты согласен помереть со мной в одной берлоге?

– Согласен, – энергично закивал Антон. – А берлогу в лесу мы можем вырыть прямо сегодня. Пойдем в лес?

– Только вначале к тебе, – напомнила Наташа. – А потом хочешь – в лес, хочешь – по дрова.

– Ну, тогда вперед, – сказал Антон и поднялся со стула. Он помог встать своей спутнице, удержал ее, когда она опасно качнулась к низким перильцам, и, взяв ее за руку, воскликнул: – Держись, у нас очень богатая вечерняя программа! Черт, я совершенно отвык от этого кайфа, но почему-то силен как бык.

– Береги силы, Антошка, тебе еще берлогу копать, – сказала Наташа и громко икнула. – Пардон, – извинилась она и запоздало прикрыла рот ладонью.

До Чанба они добрались, когда уже совсем стемнело. Антон пару раз ошибся калитками, затем нашел-таки нужный дом и, оставив Наташу под деревом, сходил на разведку. Во дворе было тихо, в хозяйском доме работал телевизор, а в каморке напротив играли в карты. Двери были раскрыты настежь, и оттуда то и дело раздавались смех и громкие возгласы: «Без двух... кто играет семь бубен...»

Антон вернулся к калитке, позвал Наташу, и они быстро прошмыгнули к нему в комнату.

– Я не буду включать свет, – сказал он.

– Не надо, – игриво ответила Наташа. – Я знаю, как выглядит этот клоповник. Лучше не видеть. А где тут можно сесть? Посади меня, Антон, а то я упаду. – Она обхватила его шею руками и зашептала: – Вот видишь, я уже падаю.

– Вот сюда, – прошептал Антон, – здесь кровать.

– О кровать, мечта моя, кровать, – пропела Наташа. – Ты знаешь, я хочу тебя, но борюсь с собой и буду бороться до последнего. Ты понял, до последнего.

– Борись, борись, – усаживая ее, ответил Антон.

Наташа отцепила руки и затихла, а Антон повалился спиной на кровать и через некоторое время пробормотал:

– Я полежу немного, отдохну...

– Что?! – возмущенно воскликнула Наташа. – Ты притащил меня сюда и бросил на самом краю этой поганой больничной койки?!

– Больничной? – рассеянно проговорил Антон. – Почему больничной? – Он закрыл глаза и мгновенно почувствовал, как уносится куда-то в чернильную темень, из глубины которой, словно из трубы, до него едва-едва доносился голос его спутницы:

– Предатель! Наркоман! Заманил меня в свою халупу и бросил одну в темноте.

Антон почувствовал, как кто-то толкает его в бок и пристраивается рядом. Затем на грудь ему легла чья-то голова, и он машинально принялся гладить эту голову. Неожиданно в неопределенном далеке, в беспросветной темени, он увидел белую точку, которая быстро увеличивалась в размерах. Вскоре Антон сумел разглядеть в этой точке женскую фигуру. Затем она приобрела знакомые очертания, а еще через некоторое время он увидел, что это Лена. Она летела к нему навстречу сквозь черный бездонный космос. Ее широко раскинутые в разные стороны руки и ноги напоминали крылья мельницы, и она медленно кружилась. Антон едва успел схватить ее за руку, и, остановив друг друга, они еще долго вращались вокруг невидимой оси, пока Антон не привлек Лену к себе. Он обнял ее, и Лена, как когда-то, прильнула щекой к его груди.

– Ты спишь? – спросила она.

– Нет, что ты! – восторженно воскликнул Антон. – Я приехал сюда, чтобы найти тебя.

– Правда? – услышал он. – Скажи мне это еще раз.

– Я приехал сюда, чтобы отыскать тебя, – повторил Антон. – Посмотри, я снова в белом смокинге. Помнишь, как мы с тобой познакомились? Я снова такой, каким был тогда.

– Ты сильно поседел, – тихо произнесла она, – и смокинг твой совсем не белый. На нем пятна от вина.

– Да, он немножко грязный, – согласился Антон. – Это ерунда. Главное, я нашел тебя, Леночка.

– Кого ты нашел, Сережа? Я не Леночка. – Наташа приподняла голову и провела ладонью по лицу Антона. – Сережа, ты спишь?

Очнувшись от забытья, Антон открыл глаза и хрипло спросил:

– Кто здесь?

– Господи, – проговорила Наташа и села на кровати. – Я уже почти уснула. Это я, Антон.

– Наташа? – сразу вспомнил он. – Фу ты, черт! Я тоже уснул. А кто такой Сережа? Я слышал, ты назвала меня Сережей.

– Это я так, – ответила Наташа, но затем неохотно пояснила: – Сережа – это мой бывший муж. Я тебе о нем рассказывала. Ладно, хватит спать. Ты обещал мне обширную вечернюю программу, а сам, как бегемот, завалился и дрыхнешь.

Антон сел на кровати и потряс головой. Затем он встал и включил свет.

– Ну, зачем? – вскрикнула Наташа и прикрыла глаза рукой. – В темноте было так уютно. По крайней мере, не видно этих подлых стен.

– Мы едем в лес, как ты и просила, – сказал Антон. Он вытащил из-под кровати картонную коробку, перевязанную галстуком, достал оттуда бутылку шампанского и показал Наташе. – Это вместо обещанного морфия. И не спорь. Выпьем шампанское в лесу. Пить его в такой конуре – все равно что есть салат из омаров алюминиевой ложкой – к празднику не имеет никакого отношения. Вставай, мы уходим.

– Вот так всегда, – простонала Наташа. – Только почувствуешь себя женщиной, как тебе либо суют в руки бутылку, либо тащат в лес. А здесь и то, и другое.

Машину они остановили по дороге к вокзалу. Усевшись на заднее сиденье, Антон обнял Наташу за плечи и сказал водителю:

– В лес, шеф. В смысле – в горы.

– Альпинисты, что ли? – не оборачиваясь, спросил водитель. Он лихо вырулил на темную улицу и, не обращая внимания на колдобины, на большой скорости поехал в сторону Старой Гагры.

– Вроде того, – устало ответил Антон и закрыл глаза. – Утром будем брать Большой Кавказский хребет. До утра надо еще успеть выбрать горы поудобнее, чтоб наверху поменьше снега было. У вас здесь, говорят, снежных людей в горах видимо-невидимо.

– Не видел, – ответил водитель. – Бараны снежные есть, а людей не видел.

– Это они только прикидываются баранами, – зевая сказал Антон.

Езда в машине укачала обоих пассажиров, и они уснули, а когда проснулись, машина стояла, в салоне горел свет, а снаружи была такая плотная темень, будто автомобиль накрыли брезентовым чехлом.

– Приехали. Лес, – сообщил водитель. – К хребту – вверх, к морю – вниз. Не заблудитесь.

Машина уехала, и они остались на проселочной дороге, едва видной при свете фар и совершенно неразличимой в темноте. Тишина стояла такая, что они отчетливо слышали дыхание друг друга. Пахло прелой листвой и хвоей.

– И зачем мы приехали сюда? – тихо сказала Наташа. – Так хорошо было в твоей конуре.

– Зачем? – рассеянно спросил Антон. – Сейчас расскажу зачем. Нам надо с тобой где-нибудь устроиться сесть.

Некоторое время они на ощупь продирались через густой кустарник. Затем, когда Наташа сказала, что дальше не пойдет, Антон нагнулся, пошарил вокруг себя рукой и, нащупав сухой холмик, предложил спутнице сесть. Пока Наташа, охая и проклиная поездку, устраивалась, Антон открыл шампанское. Оно выстрелило, как охотничье ружье, напугав Наташу до полу-смерти. Выстрел несколько раз отозвался вдалеке эхом, и Антон пошутил:

– Смотри, здесь, как в кабаке, за каждым деревом пьют шампанское.

Наташа вздрогнула от выстрела и схватила Антона за локоть.

– Не бойся, теперь к нам ни один зверь не подойдет, – пообещал Антон. – В Гаграх они знают, что такое охотник.

– Ты их не распугиваешь, а подзываешь, – испуганно озираясь, проговорила она. – Обними меня, мне страшно.

– Успокойся, в этом лесу, кроме ежей, ничего не водится, – ответил Антон.

– Ты не знаешь, здесь даже медведи есть, – серьезно возразила она. – Но вообще-то я не зверей боюсь. Мне просто страшно. Я боюсь того, от чего не убежишь и не спрячешься. Какого черта мы сюда притащились? Вон посмотри, верхушки деревьев почему-то светятся голубым светом. И качаются. Антон, почему они качаются, ветра ведь нет?

– Светятся – это луна, просто ее отсюда не видно. А качаются потому, что длинные. Я тоже при ходьбе качаюсь. – Осторожно отпив из горлышка, Антон протянул бутылку Наташе. – Пей, только не торопись, а то взорвешься. Итак, вначале я расскажу тебе одну историю. Ты слушаешь?

– Да, – сделав глоток, ответила Наташа.

– Так вот. Был у меня друг. О его смерти я узнал через месяц после похорон. Меня не было в Москве, а когда я вернулся, на его могиле успела вырасти трава. Его жена рассказала мне, что в деревне, где мы всегда вместе отдыхали на даче, он поссорился с одной бабкой, которую все считали колдуньей.

– Нашел место, где рассказывать такие страсти, – прошептала Наташа.

– Не перебивай, – ответил Антон. – Это имеет отношение к тому, зачем мы здесь. Так вот. Что-то они не поделили со старухой, и колдунья пообещала ему, что он очень пожалеет о ссоре. И действительно, ровно через неделю друг уходит в лес за грибами и умирает там при самых загадочных обстоятельствах. Его нашли сидящим у дерева с выпученными от ужаса глазами. Корзина с грибами валялась рядом. Через какое-то время друг незадачливого грибника – назовем его Иваном – решил отомстить колдунье. Она многим успела напакостить, и самому Ивану в том числе. Как-то в конце октября, когда все дачники уже разъехались по домам и в деревне не осталось никого, кроме нескольких стариков, он решил навестить старуху. Взял с собой ружье, немного еды и рано утром отправился к этой самой колдунье. С поезда он сошел на две остановки раньше, чтобы его случайно на станции не увидели знакомые, и остаток пути добирался лесом, который хорошо знал. Как это часто бывает в конце октября, шел дождь. Идти Ивану было трудно, на сапоги налипала грязь, и он часто останавливался, чтобы очистить сапоги от глины. К деревне Иван подошел около полудня и долго стоял на опушке леса, наблюдая в бинокль, есть ли кто поблизости, но так за полчаса никого и не увидел. Тогда он пересек раскисшее от дождя поле и огородами подошел к дому колдуны. Всю дорогу до деревни Иван уговаривал себя, что собирается совершить благое дело – наказать зло. За это время он сочинил, наверное, целый трактат о том, что такое справедливость. Говорил себе, что если каждый порядочный человек встанет на защиту добра и начнет искоренять зло вокруг себя, то очень скоро на земле зла не останется совсем. Когда же подошел к дому старухи, его охватил страх. Нет, он не стал думать иначе. Просто ему сделалось страшно, потому что одно дело рассуждать о борьбе со злом и совсем другое – вступить с ним в борьбу.

Когда Иван подошел к двери, из дома вышла старуха колдунья. Вид у нее был такой, будто она ждала Ивана. Колдунья смотрела на него без всякой злобы и даже слегка улыбалась, а Иван до того перепугался, что поначалу не мог выговорить ни слова. В горле у него пересохло, сердце бухало так громко, что ему показалось, будто взлетевших с дерева ворон вспугнул стук его сердца.

Старуха пристально смотрела на Ивана и молчала. Наконец, он хрипло поздоровался с ней и попросил попить воды.

– Что ж, зайди попей, – предложила колдунья. – Только не за этим ты сюда шел через поле.

– Не за этим, – вконец перепугавшись, согласился Иван.

– Старая я стала, – сказала старуха. – Хорошо, что ты пришел. Ты тот человек, который мне нужен. Долго я искала такого. Тебя ждала. – Она вошла в сени, зачерпнула ковшиком воды из ведра и протянула его Ивану. – На, пей. Остынь немного. Сила тебе понадобится, и я дам ее тебе.

Иван взял ковшик, посмотрел на воду, увидел отражение собственного испуганного лица и попытался взять себя в руки. Свободной рукой он залез в карман, нащупал там коробку с иголками, достал одну и воткнул ее над порогом в дверной косяк. После этого Иван протянул колдунье ковшик с водой и сказал:

– Эту воду я пить не буду. А зачем я пришел, ты сейчас узнаешь.

– Дурак ты, дурак, – хрипло рассмеялась колдунья. – Я знала об этом, когда тебя еще и на свете не было.

Сказав это, она ушла в дом, а Иван, швырнув ковшик на землю, бросился за угол к окнам. Он сделал это вовремя, потому что старуха уже смахнула с одного подоконника горшки с цветами и попыталась открыть окно. Иван успел воткнуть иглу в наличник, и эта первая маленькая победа придала ему сил и уверенности. Иван даже засмеялся от удовольствия и, уже не торопясь, повтыкал иглы в наличники над остальными окнами. После этого он посмотрел в дом сквозь стекло и увидел, как колдунья выбежала из горницы в сени.

Иван знал, где у старухи хранится лестница. Сбегав за угол, он подставил лестницу к стене дома, забрался наверх и воткнул иглу над чердачной дверцей. Затем он распахнул дверцу и увидел колдунью. Она стояла в двух метрах от него и горящими глазами смотрела на Ивана с такой ненавистью, что Иван чуть не упал вместе с лестницей вниз.

– Не нравится?! – выдержав тяжелый взгляд, спросил он. – погоди, это только начало.

– Хорошо начал, – ответила старуха, – смотри, как бы плохо не кончил.

– Не бойся, – закрывая чердак, ответил Иван, – сделаю все как надо.

После этого он забрался на крышу, накрыл печную трубу досечкой, а в досечку воткнул иглу.

– Вот теперь все в полном порядке, – сказал Иван. – Теперь и поговорим. – Он еще раз окинул деревню взглядом и, убедившись, что на раскисшей дороге никого нет, спустился с крыши.

Дождь полил еще сильнее. Тучи так плотно закрывали небо, что казалось, будто наступил вечер. Облетевшие, промокшие деревья раскачивались словно живые и тянули свои тонкие черные пальцы к небу, моля его о передышке.

Иван бросил лестницу под стену дома и вернулся к порогу. Дверь была открыта. В сенях, у лавки с ведрами, стояла колдунья, будто ожидая Ивана. Едва он появился, она схватила с лавки эмалированную кружку с водой и изо всей силы выплеснула в раскрытую дверь. Иван легко увернулся от воды, рассмеялся и спокойно произнес:

– Все, бабка, ничего тебе больше не поможет. Пришел твой конец. Я буду тебе и судьей, и палачом. Иди в дом, может, успеешь помолиться.

– Не делай этого, Иван, – ответила старуха. – Я старая, мне все равно помирать, а тебе я хочу сказать: не бери грех на душу, не твое это дело – человека смертью наказывать.

– Гадину раздавить – это не грех, – ответил Иван. – А ты иди, иди покайся. Может, скостит тебе Господь годик-другой.

– Как знаешь, Иван, – ответила колдунья. – Я тебя предупредила.

Иван достал из рюкзака охотничью двустволку, присоединил приклад и вогнал в оба ствола патроны с картечью. Едва он взвел курок, как старуха бросилась в горницу и закрыла за собой дверь. Иван вошел в сени и на всякий случай воткнул еще одну иглу в притолоку над входом в горницу. Затем он нашел топор, сунул его в щель между дверью и косяком и со всей силы нажал. Задвижка оказалась слабой, шурупы сразу повывлетали из старого, трухлявого

дерева, и дверь распахнулась. И увидел Иван, как по горнице мечется не старуха, а большая черная кошка с зелеными горящими глазами. Кошка бросалась от подоконника к подоконнику, сбрасывая на пол цветочные горшки, какие-то коробочки, клубки шерсти и старые открытки. Она с ненавистью смотрела на Ивана, не выпуская его из виду ни на секунду.

– Это тебе не поможет, – сказал Иван. Подняв ружье, он прицелился.

Кошка заметалась еще сильнее, и Иван даже удивился, почему она не убегает в соседнюю комнату, дверной проем в которую был всего лишь прикрыт ситцевой занавеской. Наконец, удачно поймав животное на мушку, Иван нажал на курок. Раздался выстрел, и кошку так ударило зарядом о стену, что в том месте на обоях осталось густое кровавое пятно. Сама же кошка упала под стеной, мертвая и развороченная, словно ее рвала целая свора собак.

– Вот так, – удовлетворенно сказал Иван.

Он разломил ружье, вынул дымящуюся гильзу и зачем-то вставил в ствол еще один патрон. Затем он наконец позволил себе выпить воды, а когда вернулся к двери, кошки под стеной не оказалось, зато посреди комнаты стояла молодая красивая девушка с глазами огромными и черными, будто угли.

– Ого! – удивился Иван. – Стало быть, тебя так просто не убьешь.

– Не убьешь, Иван, – ответила она. – Ты бы лучше о себе подумал.

– Ты за меня не беспокойся, – усмехнулся Иван и снова вскинул ружье.

Колдунья вскрикнула, метнулась к окну, вцепилась в оконную раму, дернула ее изо всех сил, но только поломала себе ногти. Упав грудью на подоконник, она застонала и повернулась лицом к двери. В последнее мгновение Иван испугался, подумал, как все-таки страшно стрелять в живого человека, как страшно быть и судьей, и палачом в одном лице и делать черную работу за того, кто сам объявил себя и вершителем человеческих судеб, и главным судьей. Взгляд колдуньи был до того пронзительным, что Иван зажмурился и так, вслепую, нажал на курок. Раздался еще один выстрел, а когда Иван открыл глаза, он увидел, как девушка соскользнула с подоконника и упала на пол, раскинув руки в разные стороны. На груди у нее, куда вошла картечь, образовалась дыра, откуда, словно из подземного ключа, толчками выходила кровь.

Опустив ружье, Иван вытер тыльной стороной ладони вспотевший лоб и, отдуваясь, снова подошел к ведру с водой. Руки у него сильно тряслись. Когда он ковшом зачерпывал воду, тот громко стучал о край ведра.

Напившись, Иван вернулся к двери. Колдуньи на полу уже не было, а вместо нее посреди комнаты стоял двух-трехгодовалый ребенок – девочка с черными как смоль спутанными волосами и такими же черными глазами. Она молча смотрела на Ивана и сосала большой палец.

– Ну и кем ты обернешься в следующий раз?! – с ненавистью воскликнул Иван и едва не разревелся оттого, что отступить было поздно. – Думаешь, если прикинулась ребенком, я не смогу нажать на курок? Черта с два!

Девочка вынула мокрый палец изо рта и, не отрывая от Ивана испуганного взгляда, кинулась к окну. Переборов в себе какой-то леденящий ужас, Иван в третий раз поднял ружье и с раздражением подумал: «Что же они все по горнице мечутся? Есть же вторая комната». А девочка подставила к окну табуретку, влезла на нее и, громко заплакав, забарабанила кулачками по стеклу.

Если бы колдунья сразу обратилась ребенком, может, Иван и не стал бы стрелять, но два первых выстрела побуждали его довершить начатое, добить наконец колдунью во что бы то ни стало. Перед глазами у него маячили кровавое пятно на стене и небольшая темно-красная лужица на полу. Нужно было ставить точку, и Иван навел стволы на девочку, прицелился и выстрелил. Он видел, как девочку ударило лицом об оконную раму, видел, как могучая сила пригвоздила ее к вертикальной перекладине, словно ко кресту, а затем отшвырнула от окна. Колдунья упала на пол, голова ее качнулась и застыла на месте, с лицом, повернутым к Ивану.

Большие черные глаза девочки были открыты, и Ивану показалось, что в ее огромных, тусклых зрачках он видит свое отражение.

Поставив ружье в угол, Иван перешагнул наконец через порог и вошел в горницу. Девочка лежала, словно поломанная кукла, и из-под нее медленно выползала отливающая гра-натов лужица крови. Не отдавая себе отчета, зачем он вошел, Иван стоял над мертвым телом и как загипнотизированный смотрел на растущую лужу. Еще через несколько секунд тело девочки начало таять. Вначале оно потеряло очертания, задрожало, словно раскаленный воз-дух, и постепенно пропало, а вместо девочки рядом с Иваном проявилась старуха в грязных лохмотьях. Ее беззубый рот был открыт, и оттуда по подбородку стекала густая розовая слюна. Иван брезгливо поморщился, отошел от старухи на шаг, а та вдруг дернула ногами, заскребла скрюченными желтыми пальцами по доскам пола и застонала.

– Вот и конец тебе, – с облегчением сказал Иван. Он подошел к окну, закурил сигарету и посмотрел на улицу. Там по-прежнему шел дождь, шквальный ветер остервенело набрасывался на деревья, и те раскачивались, как большие нелепые метрономы.

На самом деле Иван не чувствовал никакого удовлетворения. Вместе со страхом к нему пришло какое-то нехорошее предчувствие. Внутренний голос подсказывал ему, что надо скорее уходить. Поверив ему, Иван повернулся, еще раз подошел к лежащей на полу колдунье и увидел, что та одной рукой прижимает к своей иссохшей груди клубок шерсти, один из тех, что разлетелись по всей комнате. Он еще ничего не успел сообразить, как колдунья открыла глаза, пристально посмотрела на него и бросила ему клубок. Иван машинально поймал его, а колдунья трескуче рассмеялась, несколько раз дернулась и сразу после этого испустила дух. Как ядовитую змею, Иван отбросил от себя клубок. От осознания близкой беды у него заболело сердце. Он вспомнил все, что знал о колдунах, о том, как они умирают, и, вскрикнув от ужаса, бросился к выходу. Не доходя метра до двери, он понял, что выйти из комнаты не может. Что-то мешало ему сделать последних два шага, как будто между ним и дверью вдруг возникла невидимая стена. И тут он понял, что не только знает ответ, но знает его давно, с того самого момента, как увидел у старухи злополучный клубок. Это прозрение словно разделило его жизнь на две части, и все его прошлое до того самого момента, как он поймал клубок, представлялось ему сейчас чем-то очень далеким и нереальным. Иван вдруг понял, что между ним прежним и настоящим протянулась непреодолимая пропасть, почувствовал, что совсем иначе воспринимает окружающий мир. Вещи предстали перед ним в ином свете, изменили свои очертания и даже налились другим, непонятным ему содержанием и смыслом. Он вдруг поймал себя на том, что стал значительно лучше слышать. В голове у него, словно в радио-приемнике, трещало, свистело, кто-то постоянно болтал и даже напевал. Из всего этого шума ему удалось выделить журчание воды и постукивание веток, шорох сухой травы и хлюпающие шаги лесного зверя. Вместе с тем Иван ощутил свинцовую тяжесть в груди и какую-то необъяснимую злобу на весь этот суетливый, копошащийся мир.

– Теперь ты мой. Ты мой. Ты мой, – услышал он тяжелый, чугунный бас, и бесчисленное множество визгливых голосов поддержало его: «Ты наш, ты наш, ты наш».

В этом доме Иван провел неделю. Он пытался разобрать стены и потолок, но все инструменты остались за дверью, над которой он сам и воткнул иглу. Выпустила его старушка соседка, которая пришла навестить колдунью. Он попросил ее взять палку и сбить иглы, что она и сделала, причитая и все время крестясь. После этого Иван без всякого сожаления убил старушку, потому что она знала его и могла донести в милицию.

...Антон взял у Наташи бутылку шампанского и сделал несколько глотков.

– Зачем ты мне рассказал это? – дрогнувшим голосом спросила Наташа. Все это время она сидела молча, и Антон почти физически ощущал, как она боится.

– Ты, наверное, уже догадалась, – шепотом произнес Антон, – что человека того звали не Иваном. Это был я. С тех пор я и колюсь. Грехи, свои и бабкины, которые она мне передала,

тянут душу. Морфием я заглушаю голос того, кто тогда сказал мне: «Ты мой», но раз в году я знакомлюсь с женщиной, заманиваю ее в лес и...

Наташа вскрикнула, вскочила с места и бросилась бежать. Антон видел, как белое пятно мелькает между деревьями, слышал ее охи и слабые выкрики, но все же, прежде чем броситься за ней вдогонку, сделал несколько глотков.

Догнал он ее быстро. Наташа зацепилась платьем за куст, упала и, усевшись прямо на землю, разрыдалась. Антон присел рядом с ней на корточки, обнял ее за плечи и принялся успокаивать.

– Ну-ну, перестань. Успокойся. Ради бога, извини. Я не думал, что ты такая трусиха. Взрослый человек, а испугалась какой-то сказки.

– Уйди, дурак! – сквозь рыдания выкрикнула Наташа.

– Дурак. Конечно, дурак, – охотно согласился Антон. – Ну прости меня. Знал бы, что ты такая трусиха, не стал бы рассказывать. Просто я хотел в занимательной форме сказать, что всякая гнусность, совершенная человеком, в конце концов возвращается к нему же. Извини, разнузданное воображение подвело. Ты просто не дождалась концовки. После рассказа я хотел наброситься на тебя и страшным голосом закричать: «А сейчас я тебя съем».

– Очень остроумно, – всхлипывая проговорила Наташа. – Ты что, совсем ненормальный?

– Может, и не остроумно, зато страшно. А ты все испортила.

– Ты страшный дурак, – сказала Наташа. – Теперь я понимаю, почему от тебя ушла жена. Если все, что хотел сказать, ты втолковывал ей таким же способом, странно, что вы еще как-то жили. – Наташа икнула, и Антон вставил ей в ладонь бутылку шампанского.

– Выпей, только осторожно – пенится.

– Заботливый, гад, – уже спокойнее ответила Наташа и не спеша отпила из бутылки. – Нет, ты никак не мог быть моим папой. Он, по крайней мере, считался с людьми. А ты чудовище.

– Нет уж, – шутливо возразил Антон. – Теперь не отвертись. Я – твой папа!

– А насчет глупости в занимательной форме – это ты наврал, – сказала Наташа. – Для этого не надо было тащить меня в лес. Про таких, как ты, говорят – непутевый. Напугать хотел, у тебя это хорошо получилось. Все! – Наташа встала и вернула Антону бутылку. – Хватит с меня леса, пойдем вниз.

Только сейчас Антон заметил теплый оранжевый свет между деревьями, а в одном месте была видна половина светящегося окна.

– Похоже, что мы и не в лесу, – показал он. – Мы где-то на окраине.

– Слава богу, – с облегчением сказала Наташа. – Я почти совсем протрезвела от твоей дурацкой сказки. Как представила, что мне придется тащиться ночью по лесу, да еще с таким ненормальным... – Наташу качнуло, и она чуть не свалилась в кусты. – Держи же меня! – вскрикнула она. – Напоил, черт знает куда притащил и идешь рядом. Дожил до... Сколько там тебе?.. И не знаешь, что женщине надо предложить...

– Я знаю, что предлагать женщинам, – перебил ее Антон.

– Сейчас какую-нибудь пошлость скажешь, – ответила Наташа. – Мужики всегда так. Сами доведут жену до развода, а потом говорят о женской неверности, продажности и прочей ерунде...

Они вышли на дорогу и действительно оказались на окраине города. Дорога вела вниз. Откуда-то издалека вдруг донесся голос диспетчера, и они поняли, что вокзал недалеко, отчего оба как-то сразу повеселели.

– Я никогда не отзывался о женщинах плохо, – сказал Антон, – но жизнь есть жизнь. Чем больше я живу, тем больше убеждаюсь, что чаще всего женщина продается, как бы это ни было закамouflировано под чувства или под необходимость.

– Мужики тоже продаются, и даже чаще, – ответила Наташа. – Ты правильно сказал: жизнь есть жизнь. И в этом нет ничего плохого. Да, ты должен купить женщину. А если ты красавец, да еще хороший человек, можешь взять и так, но лучше подкрепить это чем-то более существенным. Никуда от этого не денешься.

– Наверное, – усмехнувшись, согласился Антон. – Правда, я всегда считал, что существует такая вещь, как привязанность.

– Существует, – непонятно чему обрадовалась Наташа. – Но это не вещь, ее не пощупаешь, а оберегать надо. Узлы почаще проверять, а то развяжутся – и не заметишь. Ты, дорогой мой, наверное, халявщик. Ничего не делая, хочешь, чтобы все держалось само по себе... Тебе не надо – отпихнул и пошел, надо – поманил, она рядом. Надо хотя бы иногда радовать жену: дарить ей подарки, цветы, давать возможность самой покупать разную дребедень, говорить ласковые слова. К тому же женщины любят все красивое. И мужчин тоже, особенно молодых. Разве это плохо? Вы тоже любите девочек. Да еще иногда пользуетесь своей физической силой и насилуете их.

– Ну, о насильниках мы сегодня говорить не будем, – сказал Антон. – А в остальном, может, ты и права, но мне это не нравится. Мне противно играть по правилам, из которых вытекает, что физический объем души таракана равен физическому объему души человека. Я не хочу играть в те же игры, в которые играют мышка-норушка, собачка, верблюд и мой сосед Иван Петрович. Мне скучно говорить об очевидных вещах, обсуждать политические новости. Надоели семейные дразги и однообразные планы на будущее.

– А зачем же ты приехал сюда, пишешь ей письма?

– Я приехал сюда отдыхать и только отдыхать, – чеканно проговорил Антон. – А насчет женщин я понял, что женщину Господь Бог вылепил не из ребра, а из крайней плоти мужчины. Он создал Адама, сделал ему обрезание, а из кусочка кожи смастерил Еву.

– Остроумно, – усмехнулась Наташа. – Только у меня есть другая версия. Господь Бог вначале сотворил Еву, но увлекся и вылепил ей слишком большую задницу. Тогда он снял лишнее и из этого вылепил ей мужика.

– М-да, – сказал Антон и засмеялся. – Пусть будет так, как ты сказала. Мне все равно, из чего вылепили Адама. А ты молодец. Ты мне нравишься все больше и больше.

– Зато ты мне все меньше и меньше, – тихо ответила его спутница.

С узкой бетонной дорожки они свернули налево, на пляж, и медленно побрели вдоль берега. Море слегка фосфоресцировало, и редкие блестки казались блуждающими огоньками, живущими по ту сторону невидимой преграды, что стоит между реальным миром и его трансцендентным отражением.

– А твой этот сопляк – дурак, – продолжил Антон. – Он ничего не понимает в женщинах.

– Мне от этого не легче, – раздраженно ответила Наташа. В ее голосе послышались истерические нотки, и Антон это почувствовал.

– Тогда зачем расстраиваться из-за какого-то дурака, – громко проговорил Антон. – Ты же умная.

– Для женщины это скорее недостаток.

– Ты очень красивая, – еще громче сказал Антон.

– За что кукушка хвалит петуха... – усмехнулась Наташа.

– Молодая! – почти выкрикнул Антон.

– А это уже грубая лесть, – отрезала Наташа.

Антон рассмеялся каким-то сатанинским смехом, заглянул своей спутнице в лицо и каким-то не своим, противным голосом сказал:

– Этот молокосос еще пожалеет, что бросил тебя. Он идиот! Сволочь и идиот!

И тут Наташу словно прорвало.

– Он не дурак! – закричала она. – Он сволочь и гад! Я не сказала тебе всего. Он не просто ушел. Он предал меня! Предал, как меня еще не предавал никто! Он трус и подлец!

– Громче! – заорал Антон.

– Что? – удивилась Наташа.

– Скажи то же самое громче! Завопи! Вырви из себя это, освободись! Кричи: «Он трус и подлец!» – во всю глотку прокричал Антон.

Наташа изумленно посмотрела на него и вдруг закричала что было сил:

– Он трус и подлец! Сволочь! Кретин!

– Падла! – Антон скакал вокруг нее и размахивал руками.

– Падла! – повторила Наташа. – Сволочь!

– Ну давай, давай! Наддай!

– Я его ненавижу! – закричала Наташа. – Тварь! Педераст проклятый!

– Ну, еще! – неистовствовал Антон.

– Тухляк! Мерзятина! – из последних сил закричала Наташа. – У него изо рта воняло кислятиной! Сука!

– Здорово! – во всю силу легких закричал Антон, а Наташа подняла руки вверх и, потрясая кулаками, завизжала:

– Свинья! Импотент проклятый!

– Ура! – прыгая вокруг Наташи, орал Антон. – Мы его убили! Мы размазали его по этому пляжу, как дерьмо!

Неожиданно Наташа села на песок, обхватила голову руками и застонала.

– Что с тобой? – подскочив к ней, спросил Антон. Он сел рядом, обнял ее за плечи и попытался заглянуть ей в лицо. – Ты что? Тебе плохо?

– Что это со мной было? – обессиленно спросила Наташа.

– Мы убили сопляка, – ответил Антон.

Некоторое время они сидели молча, а потом Наташа шепотом сказала:

– Ты дьявол. Не главный, конечно. Кто там у них пониже рангом, провокатор? Вот ты он самый и есть.

– Я не обижаюсь, – сказал Антон.

– И не надо, – так же тихо сказала Наташа. – Я же не обидеть тебя хотела. Просто сказала, кто ты такой.

– Ну, сказала и сказала. – Антон помог ей подняться с песка, взял за локоть, и они медленно пошли дальше.

Почти всю дорогу они шли молча, а когда подошли к дому, Антон попрощался и собрался было уходить, но Наташа остановила его:

– Пойдем, я тебя накормлю. У тебя же в твоей халупе ничего нет. Да и вообще можешь остаться у нас ночевать. Места много. Мама будет рада.

Антон согласился не раздумывая. Он чувствовал, что перегнул палку, желал как-то загладить хоть часть своей вины, но главное, сейчас ему не хотелось оставаться в одиночестве. После дня, проведенного с Наташей, он вдруг ощутил потребность в общении.

Они подошли к дому, на цыпочках поднялись на второй этаж в тот самый кабинет, где Антону уже приходилось бывать, и, оставив гостя, Наташа спустилась вниз. Вскоре она появилась с подносом, заставленным всевозможными закусками.

Ужинали они долго и без удовольствия, хотя оба были голодны. Говорили мало и в основном о ерунде: вкусно, очень вкусно, как приготовлено, как лучше пить шампанское – с газом или без. Сердечные дела больше не обсуждали. Домашняя обстановка словно провела между ними демаркационную линию. Наташа выглядела очень уставшей. Она часто зевала в ладонь, отвечала невпопад и ословело смотрела в свою тарелку. Антон думал о том, что зря он согласился зайти в дом. Чувство одиночества не рассеялось. Завтрашнее пробуждение в гостях

представлялось ему скучным, а пребывание здесь с последующим прощанием – утомительным. Он с тоской подумал о том, что теперь предстоит завтрак с Еленой Александровной и ее сыном, который обязательно испортит ему настроение. А потом в качестве платы за гостеприимство он должен будет остаться хотя бы на полчаса. И после всего этого придется пройти несколько километров пешком по берегу. Антон хотел было уже сообщить, что после ужина уйдет, но Наташа опередила его. Она встала, бросила салфетку на поднос и сказала:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.